

Нуна Р.

И солнце взойдет

Нуна Р

И солнце взойдет

<https://litres.ru/74663328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятьсот лет назад солнце сожгло Землю. Человечество выжило в парящих городах. Но не все.

Ригель Альтарион – наследница правящего Дома, привыкшая к интригам, ядам и улыбкам, за которыми прячут ножи. Она знает: чтобы выжить в семье, где брат убивает брата, нужно быть хитрее всех. Но когда ее дядя, магистр Август, решает избавиться от нее, Ригель оказывается в мусорном контейнере, сброшенном в выжженную пустошь за пределами парящего города.

Там, внизу, где по официальным данным нет ничего, кроме песка и смерти, она находит людей. Джим Каллаген – мусорщик, вор, спартанец поневоле. Он тот, кто должен умереть молодым, чтобы полисы продолжали жить. Он не герой. Он просто хочет спасти сестру.

Их встреча – случайность, а союз – отчаяние. Но вместе они узнают то, что должно было остаться тайной: полисы построены на костях. И Ригель, которая всю жизнь пряталась в тени дяди, должна решить, на чьей она стороне – тех, кто наверху, или тех, кто внизу.

Содержание

Часть 1.	4
Глава 1. Ригель	5
Глава 2. Ригель	33
Глава 3. Джим	67
Глава 4. Ригель	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Нуна Р

И солнце взойдет

Часть 1.

Да будет проклято солнце, враг всего живого!
Верховный понтифик Тиберий VII

Глава 1. Ригель

Стоило выписывать пируэты перед этим стариком, если он все равно помер?

Это была единственная мысль, посетившая голову Ригель Альтарион, когда она наклонилась и поцеловала холодный лоб окоченевшего трупа.

Похороны на Церрере-2 – унылое мероприятие. В далекие времена до Инсоляции, когда солнце еще не сожгло большую часть человечества, покойников укладывали в землю. Теперь жители полисов предавали мертвых огню, ведь ограниченные площади парящих городов не позволяли тратить драгоценные гектары на хранение разлагающихся тел.

Оператор кремационного блока передал Ригель прах ее двоюродного деда в черной матовой коробочке. Ей, как ближайшей родственнице, выпала честь сопроводить Юстиция Ширана Альтариона в последний путь.

Похоронная процессия двинулась по главной магистрали. В день прощания с Юстицием дороги перекрыли. Искусственное небо над городом затемнили, словно над полисом сгустились дождевые тучи.

Через центральную магистраль процессия вышла к умбре – храму Стигийского союза. На ступенях из белоснежного мрамора их уже ожидали клирики, последователи религии, поклоняющейся луне и проклинаящей солнце. В белых ман-

тиях они напоминали поганки, выскочившие после дождя.

Клирики расступились, пропуская Ригель в светлые стены умбры.

— Соболезнуем вашей утрате.

— Да покоится он с миром.

— Мир праху его.

Ригель кивала, чувствуя, как по ноге стекает капля крови. Прогулка по магистрали расшевелила свежие швы, наложенные на бедро. Мерзкая, членистоногая металлическая тварь! Успела задеть, прежде чем Ригель прихлопнула ее.

Стригоги – игрушки ее дяди. За последние семь лет он подослал их бесчисленное количество. Его любимцы – те, что в виде тараканов, быстро и бесшумно перебирают оцинкованными ножками, заползают в постель и засовывают хоботок прямо в ухо. А после одним ультразвуковым импульсом превращают мозг в кашу.

Утренний стригог застал Ригель за завтраком. Она сама виновата, расслабилась, решила, что в безопасности. А металлическая оса тем временем вонзила в нее жало.

В главной зале умбры, вытесанной из полированного базальта, Ригель передала коробочку Верховному понтифику Тиберию VII. Она была только рада избавиться от Юстиция. Пришлось сложить руки за спиной, чтобы не начать трясти их перед собравшимися выразить ей соболезнования.

Тиберий читал долгую и проникновенную мессу. Время от времени Ригель промакивала сухие глаза шелковым плат-

ком. В умбре не было окон, словно ее прихожане по-прежнему боялись солнечного света. Несмотря на то, что над головами жителей полисов уже пять сотен лет простирается купол, имитирующий небо.

Бедро ныло, и с каждой секундой боль становилась сильнее. Ригель незаметно приподняла юбку длинного черного платья, проверить, не оставила ли она кровавых капель на белоснежном полу.

Хотелось бы ей, как в детстве, подбежать к сильному взрослому, показать пальцем на обидчика и попросить наказать его. Но ей не к кому было идти за помощью. Родители мертвы, стараниями дяди, и Юстиций, хоть и был так же надежен, как прохудившаяся крыша, все же оказывал поддержку. Теперь дядюшка – магистрат, и не осталось людей, способных перечить его воле. Ригель проиграла, даже не вступив в борьбу.

Она пошатнулась, привалилась к ближайшему клирику и тут же принялась извиняться:

— Прошу прощения, прошу прощения... продолжайте, не обращайтесь внимания! – пролепетала она жалким голосом, надеясь, что Тиберий поймет намек.

Клирик, на которого она свалилась, придержал ее и издал вздох, полный жалости к несчастной сиротке.

Наконец с фарсом было покончено. Ригель заскочила в ожидавшийся ее джет, просторный и гладкий, как капля ртути, и он помчал ее по пустым улицам полиса.

Джет приземлился у Прайм-центра. Четыре грани из полированного антрацитового стекла сходились в вершине, которая терялась в искусственной дымке купола. Ригель велела водителю дожидаться ее и вошла в нишу в основании северной грани. Никаких колонн, никаких лестниц. Просто черный прямоугольник арки, три метра высотой, без двери.

Присутствие Ригель на стыковке – скорее традиция, нежели необходимость. Она вошла в прозрачный лифт, глубоко вдохнула, прежде чем ткнуть на кнопку. Лифт стремительно пронесся сквозь пустующие этажи вверх, к командному центру. Воздух внутри был сухой, холодный, с привкусом озона, как перед грозой, которая никогда не разразится.

Генерал-навигатор молча кивнул Ригель в знак приветствия, она ответила тем же.

В центре атриума над круглой панелью парила голограмма Церреры-2, ее полукругом обступили затянутые в черные мундиры фигуры навигаторов. На бритых висках голубым светом мерцали кольцевидные датчики, они же усеивали и тонкие, паучьи пальцы, парящие над голограммой. Навигаторы перебрасывались командами на мертвом языке, постепенно под их управлением Церрера-2 уменьшалась, сжимались жилые секторы, город превратился в плоское блюдо. Над ним мерцал купол, защищающий полис от перепадов температур и солнечных гамма-всплесков. Под городом, словно подводная часть айсберга, громоздились миллионы двигателей, поддерживающих Церреру-2 в воздухе. При та-

ком увеличении город напоминал вырванное из почвы растение со сложной паутиной уродливых запутанных корней.

Рядом парил еще два города – Церрера-1 и Церрера-3. Все три полиса, принадлежащие семье Альтарион, впервые за семь лет сходились вместе. Команды навигаторов стали настойчивее, громче, быстрее. В атриуме не было окон, помещение освещали только голограмма и многочисленные датчики. Голубой свет бросал жуткие тени на вытянутые, плотно затянутые кожей лица, делая их похожими на черепа.

Ригель обхватила себя руками. Несмотря на ответственность момента, ее беспокоила не вероятность столкновения и обрушения крайних секторов. Навигаторы знали свое дело. Куда больше волновала встреча с дядей, нынешним главой Дома. Верховенство должен был взять старик Юстиций, вот только он решил протянуть ноги. Ригель скрывалась под крылом Юстиция все годы войны, пусть дед и вызывал у нее отвращение, он был ближе дядюшки, посылавшего в ее спальню дронов-убийц.

Между голографическими городами оставалось расстояние на пол пальца. Медленно и осторожно, как хирург, отделяющий тонкую сетчатку глаза, навигаторы приподнимали защитный купол. Навигаторы других полисов проделывали то же самое.

Каждая секунда приближала Ригель к встрече с дядей.

Три купола соединились в один на координате 56:47:86, периферии городов сомкнулись. Голограмма не отображала

этого, но на самом деле при стыковке полисы содрогнулись. Вибрация докатилась и до Прайм-центра, Ригель ощутила ее под ногами.

— Мягкая стыковка, генерал. — она выдавила дежурную улыбку. — На моей памяти был случай, когда прямо в центре по одной из стен пошла трещина.

Генерал-навигатор скупно поклонился.

— Благодарю, домина. В результате открытия купола температура на Церрере-2 упала на три градуса. Последствия стыковки будут устранены уже к полуночи.

Прежде чем покинуть Прайм-центр, Ригель бросила последний взгляд на голограмму. Три полиса слились под одним куполом. Дом Альтарион снова собрался под одной крышей, и это никому не сулило ничего хорошего.

Из спальни Ригель открывался вид на огни полиса. Купол окрасился в цвет ночи, и для жителей города зажгли несколько звезд. С восточной стороны загорелась эмблема с орлом, распахнувшим крылья над лавровым венцом — символ созвездия Церреры и Дома Альтарион. Как клеймо, поставленное на полисе.

Ригель осмотрела комнату, заглянула под кровать, проверила щели, куда могли забиться стригогы в ожидании жертвы. Лишь убедившись, что спальня пуста, она наконец упала на постель и задрала юбку.

Прикусила губу. Рана от жала, наспех стянутая нитями,

выглядела отвратительно. По краям чернела корка запекшейся крови, а вниз по ноге спускались высохшие алые разводы. Ригель нашарила под кроватью аптечку и щедро вылила в рану пол бутылка антисептика. Он шипел и пенился, окрашиваясь в цвет ее крови.

Ригель проверила швы. Они чуть ослабли из-за ходьбы, но меньше всего ей сейчас хотелось брать в руки иглу. Так что она просто налепила сверху пластырь и стерла разводы спиртовой салфеткой.

Обессиленная, она откинулась на подушки. Рану пощипывало. Справа в панорамном окне мерцали голубоватые огни рекламных голограмм. «Стигийский союз: Луна хранит своих детей» – было написано над изображением понтифика, распростершего руки ко всем внемлющим. «Криокамеры – окно в будущее» гласила бегущая строка. «Автаркия – свобода. Автаркия – жизнь» значилось под лицом магистрата Августа Альтариона.

При виде дяди тошнота подкатила к горлу. Ригель велела голосовому помощнику закрыть окно. Комната погрузилась во тьму. Металлический голос осведомился, включить ли ему свет. Ригель не ответила.

Она слушала, как гудит вентиляция – легкие полиса. Этот звук всегда успокаивал ее. Вентиляционная система всасывала воздух снаружи, прогоняла через систему очистки и впрыскивала под купол. Круглосуточно, ежедневно, не смолкая ни на секунду. Тишина значила бы смерть для полиса.

Ригель вернула аптечку под кровать и извлекла оттуда компактное устройство величиной с ладонь. Голограф. Последний подарок родителей. Она села на постели, расправила юбку и пальцем вдавила выступающую часть устройства. Загорелись округлые выемки, и вскоре комната исчезла, пространство заполнила голограмма.

Над головой Ригель раскинулось небо. Настоящее, не помеченное знаком Альтарионов, без встроенной системы климат-контроля. Оно было светло-голубым, с плывущими пушистыми комками облаков. Зрелище, которое инженеры полисов так и не смогли повторить.

Ригель чуть повернула голову и отшатнулась, инстинктивно прикрыв лицо руками. Солнце. Огромный, ослепительный шар. Он не мог причинить ей вреда, но страх глубоко въелся в кожу. Ужас перед Дневным губителем достался Ригель с кровью ее предков, переживших Инсоляцию, так что она провернула колесико, перематывая запись.

На этот раз голограмма перенесла ее в лес. Солнце было не видно за раскидистыми кронами, так что Ригель успокоилась. Она послушала пение птиц и шелест листвы, и отмотала дальше. Ее кровать окружил песок, и прямо к краю свисавшего одеяла подкатывали волны.

Голограф хранил записи о прошлом, однако Ригель тяжело было поверить, что воды может быть так много. От горизонта до горизонта, живая, движущаяся, с белой пеной на гребнях волн...

Двери спальни распахнулись. Рука Ригель быстро нырнула под подушку, пальцы сжали рукоять кинжала. Просочившийся из коридора свет очертил высокую хрупкую фигуру, бледную, как свет луны. Ригель вытащила руку, оставив кинжал на месте. Не убийца, всего лишь Индра.

Кузина забралась к ней на кровать, крепко обняла своими тонкими руками, и Ригель ощутила влагу на ее холодной щеке.

— Мне так жаль, что меня не было рядом. — зашептала Индра.

Тебя бы и не пустили на похороны, подумала Ригель, но смолчала. Она старалась не напоминать сестре о ее положении: и без нее находились люди, считавшие своим долгом макнуть Индру в грязь.

— Бедный дедушка Юстиций!

— Он прожил дольше, чем заслуживал.

Индра издала скомканный звук, нечто среднее между всхлипом и смешком. Шлепнула Ригель по руке.

— Нельзя так говорить, он был добр к нам.

Добр – не совсем подходящее слово. Старик не обрадовался двум нахлебницам, свалившимся ему на голову посреди войны. Ригель приходилось льстить, лебезить и унижаться, выпрашивая его расположение, от которого они с Индрой зависели.

Она думала, что семья Альтарион перебьет друг друга, и этот старый разваливающийся хрыч станет магистратом. Ри-

гель метила в его наследницы. Ей удалось расположить его к себе настолько, что Юстиций даже со скрипом выдавил: «эта девица вполне сносна».

И тут он умер. Ригель до сих пор не могла простить его за такую подставу.

— Как здорово, что все наконец закончилось, и мы можем вернуться домой. — продолжала Индра.

Иногда она раздражала своей тупостью. Потому что пока дядя Август на троне — для них ничего не закончилось. Может, стриптизы больше не появятся в спальне Ригель, но ее жизнь не перестанет быть непрерывным бегством.

По песку перебирали лапками до нелепого забавные существа с мягким телом, защищенным твердым панцирем. Новорожденные черепахи спешили к воде, оставив позади крошки скорлупы. Прямо на них пикировали чайки, их противные возгласы сливались в боевой клич. Обычно парочке детенышей удавалось спастись, но в этот раз чаек было так много, что Ригель сразу поняла — до воды не доберется никто.

Индра переключила запись на другой пляж, и вопли птиц стихли.

— Я получила сообщение на твой приемник. — Ригель мгновенно напряглась. Почувствовав это, Индра чуть ослабила объятия. — Дядя хочет поговорить с тобой наедине перед семейным собранием.

Ригель прикрыла глаза. Она ожидала этого. Он либо воз-

высит ее, либо растопчет, либо и то и другое, и еще непонятно, в какой последовательности.

Она не считала дядю мировым злом. Многие восхищались им. Многие желали видеть именно его на посту магистрата. Но так вышло, что он оказался злодеем в ее жизни. Ему было мало убить предавшего его брата и его жену. Он не раз пытался избавиться и от их потомства. Ригель была уверена: дядя не оставил эту идею.

В конце-концов, упрямство – их семейная черта.

Магистрат ждал ее в своем любимом месте – частном саду резиденции. Полисы были царством стекла, металла и камня. В детстве Ригель водили в зоопарк на Церрере-1, дед очень им гордился, ведь это был третий и последний зоопарк во всех полисах. Маленькая Ригель с интересом рассматривала выращенных в лабораториях зверей. Из сохранившихся остатков ДНК люди смогли воссоздать фауну до Инсоляции. Правда, век искусственных зверей был короток – им отводилось лишь десятилетие, пока сотворенный человеком организм не начинал процесс отмирания. Бабушка говорила, что это урок всем людям: они не творцы жизни, а жалкие паразиты.

Кроме зоопарка, на всей территории полисов не нашлось бы ни одного по-настоящему живого уголка, слишком ресурсозатратно. Однако Август Альтарион мог позволить себе содержать целый сад под куполом.

Герметичная дверь шлюза закрылась за спиной Ригель. В нос ей ударил густой и приторный аромат модифицированных цветов. Ригель припустила по гравийной дорожке вглубь сада, и агрессивный запах цветов чуть поутих, сменившись свежестью от системы гидроснабжения. Она опрыскивала сочную зелень, нависающую над дорожкой, и крошечные капельки оседали на коже Ригель.

Она стерла их рукавом черного мундира. Милитари давно не в моде, но она посчитала, что это наиболее уместный наряд, учитывая положение, в котором оказалась ее семья. Индра заставила надеть золотой плащ, чтобы не выглядеть «столь устрашающе».

— Иначе магистрат решит, будто у тебя в штанине припрятан пистолет. Набрось плащ, сейчас все носят золото.

Заигрывают с цветом солнца, отыгрываясь за годы, когда он был под запретом.

Дядюшка Август разгуливал меж пропитанных синтетической смолой деревьев, так что Ригель пришлось побегать, чтобы найти его.

Это был высокий широкоплечий мужчина, выглядящий старше своих лет. В его уважаемые сорок лицо уже покрывала приметная сеточка морщин, а темные волосы тронула седина. Он был одет в черную влачащуюся по земле мантию, расшитую серебряными нитями. Ее касающиеся носков сапог полы вытягивали и без того высокий силуэт магистрата, делая его похожим на колонну. Одет официально, значит,

вызвал ее не на теплую семейную беседу.

Ригель приложила ладонь к сердцу и поклонилась. Она ждала, когда магистрат положит руку ей на голову в знак, что она может выпрямиться, но он будто специально тянул время, заставляя ее стоять, согнувшись. В наказание за то, что ее отец, брат Августа, выбрал не его сторону в войне.

В плачевном положении их семьи было повинно смягчение мер по контролю рождаемости.

Правительство разрешило гражданам полисов иметь трех детей, то есть не только воспроизводить самих себя, но и обеспечивать прирост населения. Это значило, что в семье Альтарион появилось три наследника, у каждого из них по три наследника, а у тех троих еще по три... Пока побочных ветвей не стало так много, что они решили побороться за власть с основной.

Наконец ладонь магистрата слегка потрепала ее по волосам.

— Моя дорогая Ригель. Как ты выросла.

Несмотря на то, что ты всеми силами пытался этому помешать...

Его присутствие, его прикосновение, запах – все внушало Ригель страх. Ей стоило бы поблагодарить дядю: именно страх – двигатель выживания. Откуда ей, с рождения окруженной богатством и заботой, знать животный ужас перед лицом смерти? Август же научил ее бояться, а значит, научил видеть угрозу до того, как станет слишком поздно.

— Вы хотели меня видеть. — напомнила Ригель.

Ей хотелось поскорее перейти к делу, без долгих расшаркиваний, предисловий и выражений родственной любви.

Август расплылся в улыбке, которую тяжело было назвать приятной. Он приобнял Ригель за плечи и утянул вглубь оранжереи. Они неспешно прогуливались среди зелени, а Ригель только и сожалела, что в ее штанине нет пистолета.

Стригог, что ранил ее, не был случайно сбившимся с курса. Дядя не убьет ее. Не здесь. Не в резиденции, где камеры на каждом шагу, не в то время, когда все граждане полисов пристально наблюдают за Домом Альтарион. Одно дело — прикончить родную племянницу во время войны, когда предатель-брат атакует твои базы на своих истребителях. И совсем другое — добить осиротевшую бедняжку, оставшуюся без защиты, подписавшую акты о капитуляции, об отказе от прав на наследование.

— Мы должны поговорить о твоём будущем, как считаешь? — мягким голосом осведомился дядя.

Они вышли к беседке, и Ригель с облегчением заметила двоих старцев в старомодных тогах. Один с поклоном протянул магистрату поднос. В стоящей на нем баночке копошились личинки. Август подцепил пару приготовленными щипцами и скормил живность огромному цветку. Второй старик тем временем лениво обмахивал магистрата опахалом.

Плотоядное растение проглотило прикормку и жадно рас-

крыло розовую, как плоть, пасть. Магистрат с нежной улыбкой протянул ей добавку. Ригель поежилась. Кто бы сомневался, что эта мерзкая тварь, способная откусить палец – любимое дядюшкино растение.

— Мое будущее в ваших руках. – отстраненно заметила Ригель.

— И разумеется, я хочу для тебя лучшего. Старик Юстиций не оставил завещания. Из чего следует, что все его владения переходят к главе Дома.

Как и владения побежденных, из чего выходило, что у Ригель не осталось ровным счетом ничего. Она решила, что лучше всего разыгрывать покорность, поэтому ровным тоном поинтересовалась:

— И как вы намерены распорядиться моей судьбой?

— А чего бы тебе хотелось?

Это была ловушка. Чего он хотел? Что ожидал услышать?

Если не выходит выбрать верную стратегию, остается сделать ставку на честность:

— Отдайте мне Церреру-3. Я хочу пойти по стопам отца и управлять своим полисом.

Август хохотнул.

— Знаешь, тропа твоего отца привела его к преждевременной кончине. Так что не стоит тебе идти той же дорожкой.

Ригель покосилась на стариков. На их лицах читалось безразличие к происходящему, ни один не поднимал глаз. Про-

исхождение обоих было низко, но Ригель все равно с трудом могла поверить, что дядя рассуждает об убийстве брата при посторонних.

Не зная, как реагировать, она продолжила:

— Вам нужно назначить кого-то в управление, так почему не меня? Дедушка Юстиций... высоко оценивал мои способности.

К тому же, отбросив излишнюю скромность, она не видела иных претендентов. Магистрат владел полной властью над созвездием полисов, однако у него должны быть ставленники в городах, транслирующие его волю и защищающие интересы.

Выбирать Августу особо было не из кого. Ригель всерьез беспокоилась за генофонд своего Дома: из выживших родственников только Индра была не совсем идиоткой.

— А, этот полоумный жадный старикан? Разумеется, я ценю его мнение. — он откровенно насмеялся.

Более того, магистрат все это время не отрывался от кормежки плотоядных цветов. Стоило одному цветку попробовать личинок, как из зелени показались еще трое уродливых собратьев.

— Какой основной принцип существования полиса? — вдруг спросил магистрат.

Чувствуя себя как на экзамене, Ригель не растерялась и ответила:

— Автаркия. — и пояснила, чтобы он понял, что она не

дурочка и знает значение слов, которые вылетают из ее рта. — Полное самообеспечение. Полис должен уметь прокормить себя сам.

— И ты должна будешь обеспечивать автаркию.

— Разумеется.

— Ты ведь давно не бывала на Церрере-3, верно?

С того момента, как ее родичи решили расстреливать друг друга с истребителей. Мать отослала ее и Индру к двоюродному деду Юстицию на Церрере-2, где они и просидели всю войну.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что ты очевидно не имеешь представления о том, что происходит на Церрере-3. Она умирает, Ригель.

Теперь она растерялась. Меж ними не было ни любви, ни симпатии, кровные узы ослабевают там, где есть власть, ныне покойные члены Дома Альтарион это наглядно продемонстрировали. Почему же Август предупреждал ее? Запугивал? У него все же был на примете кандидат? Тогда почему бы сразу не назначить его, не тратя время на то, чтобы отговорить Ригель?

Заключив, что Август проверяет ее, Ригель равнодушно пожала плечами:

— Не нужно много ума, чтобы управлять процветающим полисом. Я талантлива и амбициозна, и горю желанием показать себя. Проблемный полис — лучшее место для моих целей. При этом, напомню, я совершенно для вас не опас-

на, ведь я расписалась в своем полнейшем и искреннейшем нежелании наследовать титул магистрата.

Ее слова вызвали у него смех.

— Раз ты этого хочешь... Церрера-3 твоя.

Облегчение быстро сменилось подозрительностью. Так просто? Ей не придется доказывать свою компетентность, отстаивать право урвать хоть кусочек семейных богатств? Он просто отдаст ей целый полис, как дают соску разревевшемуся младенцу? Теперь все доводы и аргументы, которые Ригель собирала для этой встречи, показались ей шаткими и притянутыми. Наверное, потому, что магистрат их даже не выслушал.

Дядя вернул щипцы и опустевшую баночку на разнос. Старики поклонились и удалились, долго пятясь, хоть Август даже не смотрел в их сторону. Он протянул Ригель локоть, и она послушно обхватила его, все еще растерянная.

Из оранжереи они выходили под ручку, как любящие дядя и племянница.

— Не подведи меня, дорогая. — он похлопал ее по руке шершавой холодной ладонью и задержал прикосновение. — Улыбайся, ведь ты счастлива купаться в милости магистрата, так ведь?

Ригель повернулась, задрала голову и продемонстрировала ему очаровательную белозубую улыбку. Если хочет, чтобы она перед ним плясала, она будет плясать. Лишь бы они с Индрой не оказались в черной матовой коробочке.

— Вот и славно. И еще, Ригель... я знаю, ты считаешь меня монстром. Но не забывай, что твой идеальный отец лишил меня моих близнецов и любимой дочери. И я жалею лишь о том, что не смог добраться до тебя, пока он был еще жив.

Улыбка застыла на лице Ригель, и с ней на лице, под руку с братоубийцей, она вышла к гостям в залу для торжественных приемов.

Старая арена на Церрере-1 служила местом показательной казни.

Первые годы после Инсоляции были временем наведения порядка и установления жесткой дисциплины. Нарушители комендантского часа приравнивались к ворам и убийцам. За любое преступление наказание было одно – смерть.

Но провинившимся давали шанс побороться за жизнь, так появилась арена. Амфитеатр в виде перевернутого усеченного конуса, вырубленный прямо в несущих конструкциях полиса. Его внешние стены – необработанный, покрытый копотью композит, на котором местами еще виднелись заводские маркировки и предупреждения об опасности высокого давления.

Из торжественной залы, где гостей угощали пуншем и тонко нарезанным жареным мясом, патрициат созвездия Церреры проследовал на арену.

Ригель шагала вровень с толпой, улыбаясь тем, кто при-

ветствовал ее, и демонстрируя скорбную физиономию для выражавших сожаление о смерти Юстиция. Поверх голов она выискивала Индру. Но попробуй найди бледную девчонку среди вычурных головных уборов! Перья, взрыв из волос, а это что? Шляпка в виде истребителя?!

Для нее приготовили место в ложе. Ригель уселась, поправила полу плаща, пригладила волосы. Она старалась выглядеть настолько хорошо, насколько вообще это было возможно. Хотя внутри она содрогалась при мысли, какое зрелище их всех ждет.

Дядя решил возродить давнюю традицию. Единственный выживший в бою преступник получал право на жизнь. Ригель считала сомнительной идею выпускать на свободу убийц.

Но сегодня на арене будут сражаться не преступники. В процветающих полисах давно позабыли о такой естественной для человека вещи, как правонарушения.

Зрительный зал постепенно заполнялся: семь ярусов, вырубленных в композите и облицованных черным сланцем. Богатейшие и знатные граждане собрались посмотреть, как за жизнь будут бороться взятые в плен, выжившие солдаты и пилоты тех, кто сражался против магистрата Августа. Возможно, среди них были и люди отца Ригель.

— Чудесное зрелище, самое то, чтобы прийти сюда с детишками, а?

Паллада Альтарион уселась на пустующее место рядом с

Ригель и кивнула на семейную пару на седьмом ярусе, прямо перед ложей. Меж броско одетыми мужчиной и женщиной подпрыгивал от нетерпения мальчишка лет шести. Он вытягивал шею: головы впередисидящих мешали ему рассмотреть происходящее на арене, куда уже начали выводить пленников. Заботливая мамаша протянула сыну бинокль.

Ригель посмотрела на тетку. Все то, что делало красивым Августа, совершенно уродовало ее: тонкие сухие губы, орлиный нос и глубоко посаженные глаза. Но хуже всего был шрам. Огромный багровый ожог на половину лица, оставивший часть головы без волос.

— Поздравляю с победой. — прошипела Ригель. — Ты выглядишь именно так, как я себе представляла убийцу моих родителей — уставшей, старой и все еще в этом уродском мундире.

Она и в помутнении рассудка не стала бы грубить дяде-магистрату, но все ее существо стремилось уколоть больнее эту уродливую, извращенную женщину. Она произвела на свет троих детей, а после внезапно решила, что ее призвание — это не дарить жизнь, а отнимать. Палладу Альтарион знали как лучшего пилота бомбардировщиков современности. Ригель знала ее, как ту, чей выстрел лишил ее отца.

Тетка развалилась в сиденье, взяла бокал пунша, предложенный слугой, и забросила ноги в тяжелых сапогах на спинки впереди стоящих кресел. Патриции обернулись выразить свое возмущение. Увидев Палладу Альтарион, потупились,

принесли извинения за беспокойство и отвернулись.

— Ты похожа на мать, от моего покойного братца почти ничего не досталось. — заключила Паллада после пристального разглядывания лица Ригель. Реплику племянницы она профессионально проигнорировала, как и все, что ей не нравилось. — Чем занималась все это время, малышка? Расчесывала перед зеркалом свои очаровательные черные кудряшки?

Ригель не успела ответить. Зажглись экраны, транслирующие бои во всех подробностях, но сейчас они сосредоточились на фигуре магистрата.

Август произнес впечатляющую речь о храбрости и предательствах, о войне и победе. Он объявил Ригель консулом Церреры-3. Выразил свое расположение к ней перед всеми собравшимися, чтобы все поняли, как он великодушен. Любой на его месте разделался бы с детьми предателей, но магистрат Август простил Ригель, и не просто подарил ей жизнь — он позволил ей унаследовать владения отца. Как великодушно! Какая щедрость!

Он говорил о племяннице с такой теплотой и нежностью, что у Ригель не осталось сомнений — он убьет ее. И теперь, когда он публично объявил себя ее благодетелем и покровителем, никто не подумает, что магистрат мог разделаться с племянницей. Наверняка для нее уже готов «несчастный случай».

— Тьфу, что за гадкое пойло. — Паллада швырнула напо-

ловину полный бокал пунша куда-то в передние ряды. — Каким идиотом нужно быть, чтобы ввести запрет на спиртное? Что я должна пить? Сок?

Ригель отвернулась. От отвращения к тетке у нее сжималась челюсть. Хорошо, что Индра не с ней. Официально кухня не принадлежала Дому Альтарион, ее наверняка разместили в первых рядах, поближе к арене, среди не слишком знатных особ.

На усыпанный мелким гравием песок арены вытолкнули семерых. Их руки были связаны за спиной прозрачными пластиковыми стяжками. Лохмотья бывшей военной формы болтались на ослабленных побоями телах. Кто-то держался прямо, кто-то уже согнулся, истекая кровью. Ригель не узнала ни одного лица.

Она заставляла себя смотреть, не отворачиваться. Палладу не просто так посадили рядом. Если Ригель не почтит зрелище своим вниманием, магистрат об этом узнает.

Им выдали оружие. Ножи. Тусклые, дешевые, явно не заточенные как следует. Стяжки разрезали.

Первое время мужчины стояли неподвижно. Предполагалось, что они бросятся убивать друг друга, но никто не спешил сражаться за право уйти живым. Толпа загалдела, недовольная, что ее лишают развлечения. На арену полетели бокалы и даже чьи-то туфли.

Магистрат дал знак, и на арену вывели еще семерых. Среди них нашелся один трус. Он бросился на стоящего рядом

товарища, повалил его на гравий и умертвил парой взмахов кинжала. Кровь брызнула веером, и седьмой ярус взорвался радостным визгом. Ребенок с биноклем захлопал в ладоши. Мать погладила его по голове.

Стоило остальным почуять кровь, как на арене началась бойня. Уже было не разобрать, кто побеждает, а чью кровь смешают с камешками, когда будут выравнивать гравий.

Ригель не знала, что ей чувствовать, что думать по этому поводу. Ей было жаль этих людей, ни один из них на самом деле не был повинен в войне, и единственным их грехом было то, что они оказались не на стороне победителя.

Такова была участь проигравших. Судьба Ригель мало чем отличалась от доли этих несчастных. Она опасалась, что, если не найдет выход за сутки, капкан дяди схлопнется прямо на ее шее. Вряд ли он даст ей больше времени на маневр. Момент триумфа сладок, но короток. Сейчас, заставив Ригель смотреть на гибель этих людей, он торжествовал. Но вскоре Августу наскучит.

— Узнала кого-то? – лениво поинтересовалась Паллада.

— Нет.

— Жаль. Было бы веселее.

Когда на арене остался стоять на ногах один мужчина, не самый крупный, не с самым широким размахом плеч, к нему вышвырнули следующую партию обреченных. И резня началась заново.

В этот раз никто не медлил. Тот, что остался стоять на

ногах последним, осознавал, что измотан, а его противники еще не сражались. Так что он атаковал первым, застигнув их врасплох.

— О, а вот и моя дочь. — вдруг заметила Паллада.

Ригель собиралась игнорировать ее, но все же инстинктивно проследила за взглядом тетки, ожидая увидеть на одном из ярусов Сечиль.

Там была Индра.

В черном траурном платье, белая, как стерильные стены медблоков. Она не прибрала волосы, и они стекали по спине, тонкие и серебряные, как лески. В болезненно-прямой осанке читалось напряжение.

— Как у нее дела? Я слышала, вы были вместе все эти годы. Какой она выросла?

Все эти вопросы Паллада задавала будничным тоном, безразличным, словно интересовалась здоровьем соседской собачонки. Ригель стиснула подлокотники.

У этой женщины хватило бесчестия связаться с проходимцем и родить от него ребенка. Чтобы замять скандал, Августу пришлось казнить отца Индры, а сестру выдать замуж за ближайшего подхалима, готового принять падшую женщину в обмен на должность. Жизнь Индры спасло заступничество клириков. Они верили, что бледная кожа и серебряные волосы — особое благословение Луны, и убивать девочку нельзя.

— Она не похожа на тебя. Полная противоположность. — ответила Ригель, и ей удалось не скрипеть зубами. — Как ты

понимаешь, это значит, что она выросла хорошим человеком.

Паллада усмехнулась.

— Знаешь, почему я родила Индру? Потому что любила ее отца. А знаешь, почему не дала ей имя Альтарион?

— Потому что Август запретил тебе и дальше смешивать Дом Альтарион с грязью?

— Потому что мне стыдно перед ней. За то, что в ней моя кровь. Потому что знаю: один этот факт сломал ей судьбу. Потому что не хочу, чтобы она имела еще хоть что-то общее с Домом Альтарион. Потому что просила брата отослать ее как можно дальше. Он считал, что Индре будет лучше среди членов семьи. Он не понимал, что в этой семье уже много веков не было ничего хорошего.

Ригель тупо уставилась на тетку. Она не до конца понимала, говорит ли та всерьез, не верила в сказанное ни мгновения. Она даже не смогла совладать с собой и скрыть замешательство.

Невольно она нашла взглядом Сечиль и Поллукса, законных детей Паллады. Оба веселились в отдельной ложе.

Последний раз она видела Сечиль в детстве, когда та объелась мороженого на приеме и заблевала Ригель платье. С тех пор она выросла, но красавицей не стала. Ей досталась внешность матери и костлявое тело. От рождения темные волосы Сечиль осветлила, и они приняли тусклый мышинный оттенок. Ее до боли тощую фигуру обнимало обтягивающее

черное платье, заканчивающееся прямо под грудью. Срам прикрывали две золотые розы, декоративные лианы обнимали шею.

Поллукс, притягательный юноша в венце черных кудрей, обхаживал сразу троих девиц, которых привел за собой в ложу. Те восторженно внимали каждому его слову и едва не падали в обморок, когда он касался их рук или волос.

Индра другая. Ригель не хотела этого признавать, но тетка была права. Она не похожа ни на кого из истинных Альтарионов, в том числе и на Ригель.

Индра в их семье как белая мышь.

— Если однажды, дорогая племянница, ты проникнешься ко мне теплыми чувствами и захочешь сделать подарок, я скажу тебе, какой. Позаботься, чтобы любой, кто имеет отношение к нашему семейству, исчез из жизни Индры.

Бой завершился. Ригель не узнала победителя, был ли он тем, что выжил в первом сражении, или кто-то из следующих приговоренных – она не могла точно сказать. Кровь заливала его с ног до головы. Арену усеивали тела. Магистрат махнул рукой. Раздался выстрел, и победитель упал. Так Август показал, что предателям нет прощения.

Публика восторженно аплодировала. Ригель сидела не двигаясь. Ладони онемели. Под ногтями остались полумесяцы – она вдавливала их в подлокотник так сильно, что не заметила, когда сломала два ногтя.

Она хотела найти в себе хоть немного горя по погибшим,

доказать себе, что она тоже белая мышь. Но мысли ее тонули в страхе, ведь Ригель знала – она следующая.

Глава 2. Ригель

По возвращении в резиденцию, Ригель застала Индру перед раскрытым чемоданом.

Кузина укладывала одежду, вид у нее был потерянный. Подойдя ближе, Ригель заметила, как покраснелись щеки у Индры, в глазах все еще стояли слезы, в уголках губ засохли корочки. Она плакала и блевала.

— Это было ужасно! – воскликнула Индра, заметив сестру. – Зачем он это делает? Победитель должен был жить! Он и так настрадался... все они... почему он не мог пощадить их? Почему обязательно нужно издеваться над нами?

Ее голос дрожал от сдерживаемых слез, но руки быстро складывали, почти комкали, платья и яростно швыряли в чемоданы.

— Потому что в победе нет смысла, если ты не можешь как следует насладиться чужим поражением.

Индра замерла, обдумывая слова сестры.

— Прости, что уехала без тебя. – сменила она тему. – Где ты была? Я искала тебя, но так и не смогла найти.

Ригель еще около получаса сидела в опустевшей ложе и смотрела, как с арены убирают тела. Ее сковало странное оцепенение, но теперь она, кажется, пришла в норму.

Оставив вопрос без ответа, она села рядом с Индрой и принялась помогать ей укладывать вещи. Она не будет ску-

чать по этим стенам. Дом деда Юстиция так и не стал ей родным. Да и вряд ли дядя позволил бы ей тосковать...

— Ты знаешь... *она* прислала за мной джет. — Индра понизила голос, будто кто-то мог их подслушивать.

Формально, она была служанкой Ригель, и ей запрещали звать Палладу мамой.

— Больше не садись в чужой джет. — отрезала Ригель, не желая говорить о тетке.

Индра отложила в сторону свернутый плащ и повернула лицо Ригель к себе. Тронула пальцами лоб.

— Иди отдохни. Я займусь вещами. Что из твоего еще нужно взять?

Ригель поднялась.

— Возьми все колющее, режущее, стреляющее. Ах, да...

Она подошла к опустевшему платяному шкафу и открыла двери.

— Возьмем всех наших автоматов.

Она постучала по груди робота. Его пустые потухшие глаза смотрели вверх ее головы. Индра сжалась.

— Ты ведь знаешь... мне не по себе от них. После того случая, о котором мы не говорим.

Ригель закатила глаза. Да, о произошедшем они поклялись забыть, но Индра постоянно вспоминала, называя его «тот случай, о котором мы не говорим».

Эссенция побежала по телу автомата, как кровь по человеческим венам, питая его жизнью. Глаза вспыхнули голу-

бым светом. Датчики в них отсканировали комнату и всех присутствующих, признали хозяйку и мигнули, сигнализируя, что процесс включения завершен.

Вечером они покинули резиденцию, и та опустела. Ненадолго, вскоре Церреру-2 займет Паллада с ее отпрысками.

У степеней их дождался целый шаттл. Индра то и дело оглядывалась на чернеющий в искусственной ночи силуэт дворца, служившего им домом целых семь лет. Впервые за все это время внутри не загорелись огни. Пару раз она споткнулась на ступенях и чуть не свалилась.

Ригель смотрела прямо перед собой. Окруженная автоматами, она по-прежнему не чувствовала себя в безопасности. Куски железа не защитят ее от дяди.

Двери шаттла распахнулись. Ригель пораженно застыла. Если бы прямо из салона высунулась рука и прижала к ее лбу пистолет, она удивилась бы меньше.

На кожаном сиденье в холодном свете неоновых ламп полулежал Поллукс. Он недовольно поджимал губы, осматривая содержимое минибара. Рука то и дело лезла в копну волос и сжимала густые пряди. Должно быть, этот жест сводил с ума патрицианских девиц, вот только сейчас он свидетельствовал о нервозности.

А вместо пистолета в Ригель уткнулся длинный палец с черным ногтем.

— Чтобы ты знала, мы не испытываем удовольствия от твоего общества. — заявила Сечиль.

Ригель быстро осмотрела салон. Ничего, кажется, единственная опасность внутри шаттла – ее кузены.

Она отбросила от себя руку Сечиль.

— Рада, что ты оделась прилично. На предыдущее платье не хватило ткани?

Кузина принялась извергаться ядом. Ригель отвернулась. Знаком велела автоматам уложить чемоданы в багажный отсек. Вошла в салон, плечом отпихнув Сечиль с дороги, заглянула в кабину пилота. Пусто. И кто повезет их?

— А она что здесь делает?! – раздался истеричный вопль за спиной.

При виде Индры Поллукс потерял интерес к минибару и поднялся.

Ригель размышляла. Судя по всему, кузены летят с ней. Но почему? Их мать станет консулом на Церрере-2, они должны остаться при ней. Сечиль удачно выйти замуж (да благослови Луна ее мужа), а Поллукс – принять титул наследника. Зачем им лететь на Церреру-3? Следующая плановая стыковка произойдет через пять лет, а до тех пор три полиса будут перемещаться по собственным траекториям.

Она не могла найти ни одной причины, по которым их могли отправить с ней. Это был план магистрата? Так он решил избавиться от нее, подбросив невыносимых кузенов? Хочет, чтобы она сама наложила на себя руки?

Мысль очевидная, и в то же время совершенно ошеломляющая ударила Ригель по голове, оглушив.

Он просто убьет их всех.

Несомненно, дядя, как и Ригель, много размышлял о природе семилетней борьбы Дома Альтарион. И наверняка пришел к тому же выводу: дело в количестве наследников и их непомерной жадности. И если со вторым бороться трудно, то первая причина решается уже ставшими привычными методами.

Ригель всем сердцем желала ошибиться. Но единственное, что не вписывалось в ее теорию – отсутствие наследников у самого Августа. Чего он добьется, перебив племянников? Кого назначит наместниками? Только если...

Только если у него нет детей, которых он держит втайне.

А Паллада? Конечно, она жестокая, да еще и безумна, но Ригель не верила, что она добровольно отдала бы своих детей. Должен же у нее быть материнский инстинкт? Знает ли она о планах брата? Может, еще не поздно обратиться к ней за помощью, пока этот шаттл не стал их железной могилой.

Из размышлений ее вырвали возгласы из салона. Сечиль и Поллукс напирала на Индру. Ригель была вынуждена вмешаться.

— Здесь целых два салона, мы с Индрой уйдем в соседний. – заявила она, втискиваясь между ними. – Нас будет отделять двадцатисантиметровый слой металла. Меньше, чем хотелось бы, но хватит и этого.

Поллукс принялся причитать, что их сослали на Церре-ру-3, даже не спросив, но Ригель его уже не слушала. Она

оттащила Индру во второй блок. Может, и хорошо, что жить ей осталось не так долго. Не придется возиться с Полом и Сечиль.

Около получаса им пришлось дожидаться, когда явится пилот.

Наконец показался крепкий широкоплечий мужчина с военной выправкой и квадратной массивной челюстью. Он не извинился и не объяснил свое отсутствие. Безошибочно он вычислил среди пассажиров единственного человека, с которым можно вести разумную беседу, и поприветствовал Ригель:

— Меня зовут Брут. Я советник консула по вопросам снабжения.

Второй человек после консула. Ригель поднялась и протянула ему руку. Она вглядывалась в открытое лицо с крупными чертами, силясь поднять его образ из детских воспоминаний. Служил ли этот человек ее отцу, или он назначен дядей Августом? Ответ на этот вопрос определил бы, кто перед ней – союзник или враг. Но Ригель не смогла вспомнить.

Брут крепко сжал ее ладонь.

— Я мало знаю о Церрере-3 и неопытна в управлении, так что буду рассчитывать на вашу поддержку. Где же наш пилот?

— Я вожу шаттлы сам, госпожа консул. Полезный навык в нашем ненадежном мире.

Он невольно начинал ей нравиться.

— Полагаюсь на вас, Брут. Подскажите, мы можем совершенно случайно потерять в пути второй блок?

Ригель кивнула в сторону салона, где расположились Сечиль и Поллукс. Брут хохотнул.

— Я сделаю все от меня зависящее. — полушутя пообещал он.

Путь стал настоящим испытанием. Ригель ерзала в кресле, сбросила туфли и забралась в него ногами. За окном исчезали кварталы Церреры-2, нелюбимой и неродной, но привычной и относительно безопасной.

Ригель чувствовала, что должна что-то сделать. Защитить себя и Индру, но именно здесь и сейчас она была бессильна. Драгоценное время утекало, а она даже не смогла понять, в чем заключался план дяди. Откуда ждать удар, как он намерен избавиться сразу от четверых, не вызвав подозрений?

Шаттл вильнет и врежется в здание? Авария — просто и трагично. Немного подозрительно, но все решат, что злодеяния Дома Альтарион навлекли на него злой рок. Нет, Брут не выказал ни одного признака нервозности и волнения. Он был абсолютно расслаблен, и Ригель решила, что до резиденции на Церрере-3 он доставит их невредимыми.

Индра заснула. Ригель приглушила свет в салоне. Она попыталась последовать примеру кухни, но бойня на арене отпечаталась с внутренней стороны ее век. Закрывая глаза, Ригель видела выпавшие из распоротых животов внутренности.

Она резко поднялась. Нет, сна сегодня точно ждать не стоит.

Ригель обулась и заглянула в смежный блог. Внутри оказалось подозрительно тихо. На ее памяти, двойняшки всегда вопили, как всполошенное воронье.

Сечиль даже не подняла головы. Она сидела, вжавшись в спинку, бледная, с темными кругами под глазами. Ее платье было мятым.

— Пожалуйста, молчи. — сказала она, не глядя на Ригель.
— У меня голова раскалывается.

— Оставь ее. — добавил Поллукс тихо. — Нас погрузили в этот шаттл за час до вас. Без объяснений. Мать не прости-
лась.

Не знала или выражала молчаливое согласие с действиями магистрата? Хотелось бы Ригель понять. Она опустилась в кресло напротив Поллукса. В серых глазах вспыхивали и гасли проносящиеся огни полиса.

Двойняшкам было по девятнадцать, всего на два года больше, чем Ригель. У нее не хватило сострадания представить, каково им было все эти годы. Едва ли легче, чем им с Индрой. Сейчас же Ригель сама тонула в проблемах, ей было слишком страшно, чтобы тратить силы на сопереживание.

Она забралась в минибар и отыскала три бутылочки газировки. Одну вложила в руку Пола, вторую демонстративно оставила на столике, приманивая Сечиль.

— Вы знаете, зачем вас отправили на Церреру-3? — Ригель

сделала глоток, пузырьки приятно щекотали рот, хотя вкуса она практически не почувствовала.

Тем не менее, держалась она прекрасно – расслабленно, и руки не дрожали.

— Не говори с ней, Пол. – зашипела Сечиль из кресла, как рассерженная кошка. – Малышка Ригель считает себя умнее всех!

— Вовсе нет. Только умнее тебя.

— Мне плевать, Ри. – отозвался Поллукс. – Я всего лишь хочу посещать приемы и спать с красивыми девушками.

Он наконец взял бутыл, отвинтил крышку и сделал пару глотков.

— Я что, о многом прошу?

— Боюсь, у дяди Августа иные планы.

— Например?

— Например, он будет счастлив отнести коробочки с нашим прахом в ближайшую умбру.

На секунду повисло молчание. Ригель ждала возражений, однако Сечиль вдруг смолкла, обхватила руками колени и отвернулась к окну. Поллукс потягивал газировку, пристально рассматривая Ригель.

Они знали. Просто не произносили вслух, возможно, даже не проговаривали мысль в голове. Открытие поразило Ригель.

— Это такая стратегия? – спросила она. – Прикидываться дурой и ничтожеством, чтобы дядя решил, что вы не опас-

ны?

Сечиль подскочила в кресле.

— Прикидываться кем?!

— А, так вы не притворялись...

— Я тебя придушу!

Поллукс осушил бутыль и вышвырнул ее за спину, хотя в шаттле не было ни одной прислуги, чтобы прибрать за ним.

— Возвращайся к девчонке-бастарду, Ригель. Мы сами по себе. И вы с ней тоже.

Поняв, что союзников здесь ей не найти, Ригель поднялась.

Они прибыли на Церреру-3 к исходу ночи.

Снаружи дом остался таким же, каким Ригель его помнила. Шесть крыльев, похожих на хитиновые пластины, расходились от центрального купола. Внутри... скорее всего он стерильно чист, словно в нем никогда и не жила любящая пара с маленькой дочерью и ее то ли кузиной, то ли служанкой.

Сечиль, придерживая юбки, злобно зацокала короткими каблучками по лестнице. За ней шли Поллукс и автоматоны с вещами.

Ригель разбудила Индру, и та, сонная, кутаясь в плащ, вышла из шаттла. Ее знобило: ночью системы климат-контроля снижали температуру и подачу теплого воздуха, чтобы перезагрузиться. Это спасало от поломок и внезапных отключений.

— Думаю, экскурсия вам не нужна, госпожа консул. — ска-

зал Брут. — Для вас подготовили ваши прежние спальни.

Ригель думала только о том, что всех ее кукол выгребли и отправили на переработку. Вслух же она произнесла:

— Вы прекрасный пилот, Брут. Не тряхнуло ни разу.

— Не нужен талант, чтобы управлять шаттлом под куполом, где нет ни ветра, ни воздушных ям.

И все же его суженные глаза блеснули от удовольствия.

— Навигаторы начнут отцепление полисов в полдень, вам присутствовать не нужно, отдохните. Завтра утром я занесу вам материалы для ознакомления...

— Занесите сегодня. — торопливо прервала его Ригель. — Чем раньше войду в курс дел, тем лучше.

На самом деле, она боялась, что еще хоть час безделья сведет ее с ума.

Было что-то тоскливое в том, чтобы заполнять шкаф новыми вещами, когда Ригель еще помнила свои маленькие платьица в нем. Индра валилась с ног. Ее измотали события предыдущего дня, да и сон в шаттле не прибавлял бодрости. Она храбрилась, не желая оставлять Ригель наедине с детскими воспоминаниями. Однако она все же отослала кузину отдыхать.

Оставшись в одиночестве, Ригель повторила заученный ритуал. Осмотрела комнату, убедилась, что опасности нет. Несколько раз проверила блокировку дверей, закрыла огромное окно. С двумя автоматами у постели она чувствовала себя увереннее.

Все ее теплые чувства, связанные с этим местом, рассеивались, разогнанные новой реальностью. Ее дом выпотрошили и простерилизовали, не оставив ни следа прежних владельцев.

Ригель не собиралась засыпать, однако обнаружила себя, растянувшейся на постели. Время было обеденное. Она выглянула в коридор. Брут оставил перед дверьми голограф и завтрак на разное.

Голограф Ригель бросила на постель, а разнос протянула автоматону. Щупальца встроенного ядоискателя отсканировали пищу, датчики вспыхнули зеленым. Как Ригель любила эти славные машины! На приемах пользоваться ядоискателем считалось моветоном и оскорблением хозяина торжества. Как хорошо, что здесь она могла проверять все, что вздумается.

Ригель с удовольствием проглотила остывший тост с яйцом и беконом, запила молоком и закусила шоколадным пудингом. Голограф тем временем вещал ей о положении дел на Церрере-3, сопровождая лекцию проекциями графиков и таблиц.

Голубые огни сменились красными, и в лицо Ригель замигала надпись «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. УБЕДИТЕСЬ, ЧТО ЭТА ЗАПИСЬ НЕ ПРОСМАТРИВАЕТСЯ ПОСТОРОННИМИ». Ригель смахнула ее. Голограф продолжил вещать, на этот раз – о добыче, запасах и переработке эссенции.

С каждым словом, с каждым скрежетом металлического голоса, Ригель холодела все больше. Ее тело было тяжелым после сна, а по голове словно стучали молотками. Однако все признаки усталости испарились, когда она осознала, как глубоко закопал ее магистрат Август. По самые, мать его, ноздри.

Сердце застучало, а шум крови в ушах на какое-то время заглушил голограф. Ее мозг выбросил в кровь столько адреналина, сколько выделил бы при встрече с опаснейшим хищником прошлого.

Ригель вскочила, выключила голограф и вылетела из спальни. Вернулась, прихватила голограф и побежала, шлепая босыми ступнями по холодному полу.

Синтез пищи, теплицы для овощей, базы для выращивания скота, фабрики по сборке автоматов, чипов и имплантов... все это пыль. Все это бесполезно, все это ничто, и потрясающие показатели Церреры-3 в этих областях – пустой звук.

Ничто не имеет значения без эссенции.

Она питает не только автоматов. Все полисы работают за счет эссенции. Двигатели, что держат парящие города в воздухе. Куполы, защищающие полисы от солнечного излучения. Климат-контроль. Система гидроснабжения, очистки воды и воздуха. Свет.

Август не врал и не запугивал. Церрера-3 умирала. Но не так, как предполагала Ригель. Она ожидала увидеть об-

нищавшие кварталы, продовольственные карточки. Все то, с чем раньше полисы уже сталкивались, и что они благополучно пережили. Однако проблема оказалась намного страшнее.

Эссенцией не торговали и не обменивались, слишком ценный это ресурс, чтобы делиться им с соседними полисами.

Добыча эссенции для Церреры-3 была прекращена.

В пекло траур. В пекло черный цвет.

Ригель надела алые широкие брюки и драпированную золотую блузу, такую яркую, что едва не ослепла от собственного отражения в зеркале. Заколола передние пряди.

Вошедшая в спальню Индра едва не уронила разнос с десертом – тремя шариками синтезированного мороженого.

Она в ужасе разглядывала кухню, пока Ригель не спросила:

— Что?

Индра покачала головой.

— Ничего, просто... чем лучше ты выглядишь, тем хуже у нас идут дела. Что-то произошло?

— А я хорошо выгляжу?

— Великолепно. – отозвалась кухня без доли восхищения.

Ригель не нашла подходящих слов, чтобы успокоить ее, да и любые слова оказались бы ложью. Она едва могла защитить их с Индрой, а теперь на ее плечи свалились еще три

миллиона жизней.

Ригель отказалась от мороженого, еще раз глянула в зеркало, чтобы убедиться, что Индра права. Ей казалось, она неплохо справляется – по крайней мере, она не носится по коридорам с криками «Мы все умрем!».

Конечно, с Ригель случилась минута слабости. В первые мгновения она выскочила из комнаты и добежала до зала собраний. Снесла пару дорогих ваз. Одну швырнула в стену намеренно.

Придя в себя, Ригель огляделась, чтобы убедиться, что у ее срыва не было свидетелей, поправила одежду, пригладила волосы и вернулась в комнату.

В атриуме за большим круглым столом ее уже ждали. Среди собравшихся Ригель знала лишь Брута, остальные лица казались ей новыми. Возможно, она видела их раньше, когда ее отец входил в эти двери в качестве консула, но Ригель не смогла извлечь из памяти ни одного имени.

Собравшиеся поднялись в знак приветствия. Ригель кивнула им и заняла пустующее место за столом.

Около часа они обсуждали дела полиса. Основную информацию Ригель уже знала из доклада голографа, теперь ее посвящали в детали.

Уши слышали слова, но голова отказывалась их воспринимать. Ригель всматривалась в советников и министров, раз за разом пережевывая лишь одну мысль: кто из них знает?

Когда Ригель затруднялась с ответом, она поворачивалась

к Бруту, и тот подсказывал. Она прибегала к этому приему чаще, чем могла бы. Пусть Брут чувствует себя нужным и значимым. Он должен быть ее другом, а не врагом.

Нога под столом выстукивала нервную дробь: ей не терпелось перейти к действительно важным вещам. Ригель сжала колено и вдавила ногу в пол.

В конце собрания Брут поднялся:

— Благодарю уважаемых патрициев за уделенное время. На сегодня закончим. Вопросы снабжения эссенцией мы с госпожой консулом обсудим наедине.

Когда за ушедшими закрылись двери, воздух в атриуме сгустился. Ригель расправила плечи.

— Как много людей знает? – спросила она без предисловий.

Брут придвинул стул ближе к ней и оперся локтями о колени, словно у них проходила дружеская беседа.

— Только те, что сейчас в этой комнате.

Ригель нахмурилась.

— Паника нам не нужна, но не разумнее ли было посвятить всех членов совета?

— У них у всех есть семьи, друзья, одно неосторожно оброненное слово, и слух разнесется по всему полису. Поверьте, госпожа консул, незнание только во благо.

— Можете звать меня просто Ригель. Нам предстоит провести вместе много времени.

Брут любезно налил ей стакан воды.

— Как долго... это продолжается?

— Мы испытывали трудности с добычей эссенции еще при вашем отце.

Значит, он служил отцу, не Августу. Первая хорошая новость, за... пожалуй, за семь лет.

— Полностью разработка месторождения прекратилась полгода назад.

Пик противостояния семьи Альтарион. Не удивительно, что никто не забил тревогу: все только и думали, как уничтожить друг друга, и совсем упустили из виду пустячок, благодаря которому человечество выживало столетиями.

Ригель тряхнула головой. Нет смысла мусолить прошлое, когда разваливается настоящее.

— Как долго мы еще продержимся?

— Есть запасы в секторе Гамма, я уже организовал их транспортировку. Хватит на три года. Если значительно снизим потребление, протянем пять. На периферии уже регулярно в целях экономии отключают свет, мы объясняем это поломками, но вскоре люди потребуют более внятных разъяснений.

Пять лет. Тысяча восемьсот двадцать пять дней. Бесконечно много и в то же время бесконечно мало, если речь идет об эссенции.

Ригель могла бы заключить выгодные соглашения, удачно женить Поллукса на девице из правящего Дома другого созвездия, Юпитера, например. Но эссенцией не торгуют.

Деньги, пища, технологии, все имеет свою цену, и лишь эссенция бесценна.

— Каковы наши шансы возобновить добычу? – спросила Ригель без особой надежды. Если бы такая возможность существовала, ею непременно бы воспользовались. – Что там вообще произошло?

По официальным данным, месторождения истощились. Мы пустили все силы на поиски новых, но экспедиторам не удалось отыскать ни одного месторождения, которое уже не разрабатывалось бы полисами.

Это как в детской музыкальной забаве: один стул выбыл из игры, остальные заняты, и одному несчастному ребенку не достается стула. Для него игра окончена, ведь его товарищи по игре ни за что не подвинутся. В вопросах выживания каждый сам за себя.

— А контрабанда? – поинтересовалась Ригель.

Густые брови Брута взлетели, губы расплылись в насмешке.

— Не понимаю, о чем вы.

— Бросьте, Брут. На черном рынке можно найти все что угодно. Я не верю, что ресурс мирового значения не продают незаконными путями. Как не верю и в то, что вы не рассматривали такой вариант.

Брут с усталым вздохом откинулся на спинку кресла. Он не ответил, но по его хитрому прищуру Ригель поняла: он не просто рассматривал этот вариант, он держит при себе

контакты контрабандистов.

— Я думала, мы союзники. – проворчала Ригель. – А вы решили побыть моим экзаменатором.

— Вовсе нет. Я всего лишь хотел, чтобы вы сами озвучили наш единственный шанс на спасение. Ничего личного, Ригель: связи с контрабандистами ведут прямиком на тот свет. Я должен был убедиться, что вы поддержите меня, а не сдадите магистрату.

Следующие дни слились в один бесконечный. Днем Ригель встречалась с высокопоставленными гражданами полиса, ночью просматривала записи голографа об эссенции. Она изучила устройство грейдеров – машин, добывающих бесценный ресурс, ей снились металлические суставы и сварочные швы. Она могла бы по памяти воспроизвести сложное устройство от самых внутренних блоков до наружной обшивки. Она изучила основные месторождения эссенции, факторы ее формирования и выделила на голографической карте места с благоприятными условиями для зарождения жидкого топлива. Красными точками отметила те, что уже исследованы экспедиторами. Картина удручала. Ригель и не надеялась, что справится с поиском эссенции лучше специалистов. Все найденные ею места по качеству и происхождению недр имели потенциал стать месторождением. Проблема именно в этом слове – всего лишь потенциал. Лет через сто пятьдесят, возможно, начнется процесс трансформации, но Церрера-3 столько не протянет.

Совещания сменялись приемами. К счастью, их полностью взяли на себя Сечиль и Поллукс. Кузина доводила организаторов до истерики капризами и выходками, она отменяла утвержденные изменения в программу за день до приема и рвала приглаательные, если ей что-то приходилось не по вкусу.

Однако, стоит отдать ей должное: гости оставались довольны и меню, и развлечениями. Поллукс выступал радушным хозяином. Он мог быть душкой, когда хотел.

Ригель освободила Брута от всех дел, предоставив ему возможность организовать встречу с... торговцами. Ригель даже в мыслях избегала называть их контрабандистами. Незаконная торговля эссенцией – прямой путь на эшафот. Или на арену. Ригель не представляла, как они провернут сделку: куполы над полисами гарантировали абсолютную прозрачность и контроль. Никто не мог покинуть полис или проникнуть в него без ведома навигаторов.

Они возвращались с очередного празднества. Прошло полмесяца с назначения Ригель, а она не продвинулась ни на шаг в спасении полиса из катастрофы. Зато побывала на дне рождения отвратительно-розовой болонки одной неприлично богатой дамы, одетой, как броненосец.

Шаттл вез ее и кузенов в резиденцию, но тут Ригель заметила, что пилот сменил направление.

Все ее тело напряглось, но Ригель старалась не поддаваться панике. Когда раздражающий хохот Сечиль, вспоминаю-

щей захватывающие подробности торжества, оборвался, она поняла, что ее опасения не беспочвенны. Если даже тупица Сечиль почуяла неладное, значит, они одной ногой в яме.

— В чем дело? – спросила Ригель у вышедшего из кабины Брута.

Он здорово набрался пунша на празднестве и взял на себя роль второго пилота, или, точнее, надоедливого советчика.

— Пришлось сменить маршрут, нас ждет одна срочная встреча.

Он пошатывался. Привалившись плечом к проему, Брут многозначительно приподнял бровь. Ригель поняла. Контрабандисты. Сейчас? Когда с ними Индра, Сечиль и Поллукс? Когда они в боевой раскраске, которую называют современной модой?

Ригель иначе представляла себе сделку такого масштаба и значения. Они с Брутом должны были совершенно секретно прибыть на место встречи, в черных плащах, чтобы остаться неузнанными. Она не решилась открыто выступить против Брута на глазах у кузенов, но послала ему полный гнева взгляд. Брута не проняло, и он вернулся в кабину пилота.

Шаттл тем временем вылетел далеко за центральное кольцо, свернул в промышленные кварталы, избегая жилых районов. Вскоре показались однообразные строения в виде пчелиных сот – они выбрались на периферию и неумолимо приближались к краю купола. На шаттл обрушилась тьма.

— Почему не работает система освещения? – возмутился

Поллукс.

— Неустраненные поломки. — бесцветным голосом отозвалась Ригель.

Шаттл проскользнул в тоннель и приземлился на платформу. Его накрыл купол, и платформа плавно двинулась вниз, в недра полиса. Чем ниже уровень, тем ближе он к громоздким двигателям, держащим на плаву парящий город. С каждой секундой температура поднималась. На шее Ригель выступил пот, от жара или напряжения, она не знала.

Она готовилась к встрече каждую минуту на Церрере-3, и в то же время спазм, сжавший ее горло, подсказывал, что она совершенно не готова.

— Куда нас везут, в конце-концов?! — Поллукс поднялся и навис над Ригель. — Тебе что-то известно. Говори!

Она сама искрилась, как подожженный фитиль, но выдержала его взгляд и процедила:

— В мусорный отсек, судя по всему.

Как она сразу об этом не подумала? Ей даже не пришла в голову мысль, что лазы, из которых полисы сбрасывают неперабатываемые отходы, могут служить черным входом в город для нелегалов.

— Когда шаттл прибудет на место, его покинем только я и Брут. Вы будете ждать нас здесь. А после мы вернемся домой и забудем, что после приема сделали лишнюю остановку.

Ригель была вне себя от злости на Брута. Разве не он читал ей нотации, что об истощении эссенции должно знать как

можно меньше людей? А теперь приволок трех... четырех посторонних, включая пилота, прямиком туда, где их будут дожидаться головорезы.

Контрабандисты! Что, если сделка не состоится? Они вооружены до зубов, сомневаться не приходилось. А в шаттле ни одного автомата. Брут словно... вез овечек для закланья.

Ригель не успела испугаться собственным мыслям – советник вышел из кабины и пригласил всех пройти за ним.

— Куда это? – взвизгнула Сечиль. – Куда ты нас привез?! Ригель! Вякни ты уже что-нибудь!

Ригель сверкнула глазами на Брута.

— Им не нужно с нами.

Пьяная пелена спала с него. Брут усмехнулся, сложил руки на груди и привалился спиной к стенке шаттла. Ни разу не покачнувшись. Веселый блеск исчез из его глаз.

— Это не вопрос для обсуждения, госпожа консул. – протянул он. – Идут все. Правда, Морт?

Брут оглянулся через плечо.

— Дружище, объясни нашим друзьям, что не стоит сейчас спорить.

Из кабины показался пилот, высокий сухощавый мужчина с морщинистым лицом. К груди он прижимал автомат. Ригель не припомнила, чтобы пилотам внутренних шаттлов выдавали оружие.

Они вышли в душный отсек. Система вентиляции здесь

работала через раз. Ригель мгновенно вспотела. Ее сердце гулко колотилось, и кровь шумела в ушах. Она старалась отмахиваться от панических мыслей,рывающихся в голову. Если будет скулить, как жмущаяся к Поллуксу Сечиль, ничем им не поможет.

Брут шел впереди, Морт замыкал, держа спины пленников под дулом автомата. Если бы взглядом можно было убить, Ригель упала бы замертво прямо там: Поллукс старательно прожигал в ее затылке дыру.

Индра поравнялась с Ригель и тихо спросила:

— Ты понимаешь, что происходит?

— Кажется, нас предали. – ответила Ригель намеренно громко, почти прокричала в спину Бруту. – Магистрат Август просто приказал, или заплатил? За сколько ты нас продал?

Скорая гибель Церреры-3 отвлекла ее от угрозы, которую нес дядя. Ригель почти забыла о нем, о последних словах, что он сказал ей перед выходом на арену. Об обещании, которое они в себе несли. Ей казалось, отправить ее в умирающий полис – достаточная месть. Стоило Церрере-1 унести Августа на сотни миль от нее, как Ригель поверила в свою безопасность.

А он всего лишь позволил ей бывать на людях, показаться всем патрициям живой и невредимой, прежде чем погибнуть в «несчастном случае». Теперь никто не заподозрит магистрата Августа в убийстве родичей.

— Ты хотела спасти свой дом, разве нет? — бросил Брут, не оборачиваясь. — Я даю тебе шанс. Магистрат Август выделит Церрере-3 часть своих месторождений, если я выполню наш с ним уговор.

— Ты идиот, если поверил в это. Никто в своем уме не станет делиться эссенцией! Как бы я себя ни любила, все же знаю, что моя жизнь не стоит и капли эссенции. Не говоря уже о целом месторождении.

Он вывел их к просторному отсеку, заставленному металлическими контейнерами для особо токсичных отходов. У стен возвышались громоздкие прессы, сдавливающие всякий шлак и комплектующие его в компактные боксы. Ригель впервые оказалась так далеко от центральных секторов полиса, но даже ей было очевидно: разбросанные у контейнеров тела в лужах крови здесь лишние.

Сечиль взревела от ужаса. Обливаясь слезами, она бросилась бежать и скрылась среди контейнеров. Поллукс бросился на Морта, но что мог тщедушный изнеженный юноша противопоставить подготовленному пилоту? Морт разбил аккуратный нос прикладом и опасным ударом в висок отправил Поллукса корчиться на полу. Разобравшись с парнем, Морт отправился искать Сечиль.

Индра опустилась на колени рядом со стонущим Поллуксом и вытерла кровь с его лица шлейфом платья. Ригель тем временем приблизилась к одному из тел. Брут внимательно наблюдал за ней, но не остановил.

Это был смуглый мужчина, редкость для бледнолицых жителей полисов, чьей кожи уже несколько веков не касались солнечные лучи. Одет он был в зеленоватый комбинезон, сшитый из разных лоскутов. Он не из полисов. Контрабандист. Значит, встреча была назначена, просто одна из сторон оказалась лжецом.

Ригель осмотрела отсек в поисках шаттла, на котором прибыли неудачливые торговцы, но заметила только, как Морт волок за волосы дрыгающую тощими ногами Сечиль. На его лице алели следы ногтей, а на руке отпечатался ровный ряд зубов.

— Магистрат дал мне четкие указания. — начал Брут, когда пилот швырнул Сечиль к Поллуксу. — Вы можете сами выбрать свою судьбу.

— Мы хотим, чтобы ты вернул нас в резиденцию и выбросился из окна. — процедил Поллукс. — Но такого варианта нет, правда?

Брут невесело хохотнул.

— Вы можете отправиться в добровольное изгнание. — он указал на один из контейнеров, стоящий подозрительно близко к шлюзу. — Забираетесь внутрь, и мы с Мортом отправляем вас вниз, прямиком в выжженную пустыню.

Индра прерывисто выдохнула. Рука Поллукса крепко сжала ладонь Сечиль, которая, едва успокоившись, вновь зарыдала в голос. Половина ее лица покраснела и распухла. Ригель так и стояла у тела контрабандиста, до боли сжимая ку-

лаки и кусая губу.

Был ли у нее хоть один шанс избежать кары дяди? Уж точно не в созвездии полисов, где каждый метр принадлежит ему. Но разве она не старалась ему угодить? Разве не дала понять, что не помышляет о мести? Она была послушной, подписывала, что от нее требовали, на людях демонстрировала то, что от нее ожидали, была молчаливой, покорной овечкой. Этого оказалось недостаточно.

— Второй вариант? – подал голос Поллукс.

— Криосон. В грузовом отсеке нашего шаттла есть камеры для каждого из вас. Вас заморозят и оставят спать сном без сновидений на неопределенное количество времени.

— И когда нас разбудят?

— Здесь уместнее сказать «если». Возможно, в следующих поколениях найдется желающий пробудить вас, вот только магистрат Август при жизни такого приказа не отдаст.

Сбросят их в мусорном контейнере, или заморозят в криокамере – в обоих случаях их тела бесследно исчезнут. А трупы контрабандистов послужат уроком для граждан полисов: вздорная девчонка-консул пренебрегла доверием дяди и связалась с торговцами вне закона. Она уже видела сюжеты утренних новостей: как храбро Брут защищал племянников магистрата, но их похитили, как убивался советник, что убил с десятков головорезов, но не сумел помочь молодым наследникам! И теперь они в плену у контрабандистов, навек поте-

ряны для полисов и скорбящего Августа Альтариона...

— Криокамеры. – решительно произнес Поллукс. – Разумеется, мы выбираем криокамеры.

Ригель едва не бросилась его душить. Он не понимал, на что обрекает их всех. Она почти обрадовалась, когда Брут покачал головой:

— Ты здесь не один. Придется голосовать. И так как вас четверо, магистрат Август взял право голоса себе. Он выбрал контейнер и увлекательный полет вниз.

— Криосон! – поспешно залепетала Сечиль. – Я голосую за криосон!

Брут и Индра выжидательно посмотрели на Ригель. Она собирала разбегающиеся мысли в кучку, но бесполезно – голова была пуста. Ригель кивнула в сторону контейнера, люк его был гостеприимно распахнут, оттуда на нее смотрела зияющая чернота.

— Насколько он прочный? – уточнила она. – Амортизирующий?

— Да какая разница! – закричал на нее Пол. – Это верная смерть! Не слушай ее, Брут! Она больная!

— Го-ло-со-ва-ни-е! У твоей сестрички тоже есть голос. Он достаточно прочен, Ригель, чтобы не разбиться при падении. Спроектирован специально для особо токсичных отходов. При ударе о землю не деформируется. О самочувствии груза ничего сказать не могу, но у вас будет возможность узнать самостоятельно.

— Не будет у нас никакой возможности! — закричала Сечиль. — Ри! Прошу тебя, Ри, не будь душой, выбери криокамеру!

Кто из них еще ведет себя как дура?

— Я за контейнер. — отрезала Ригель.

Сечиль взревела и бросилась к ней, намереваясь расцарапать лицо, но Морт перехватил ее поперек тела и вернул на место. Поллукс стиснул зубы, на скулах заиграли желваки, но он не выдал ни одного поганого слова.

Теперь все смотрели на Индру. Она так и сидела на коленях, словно опустилась для молитвы. Дрожащие руки комкали подол. В покрасневших глазах плескались слезы, готовые пролиться. Она не отрывала полного отчаяния взгляда от Ригель, тонкие губы дрожали, в глазах читался вопрос.

Почему? Почему она выбрала контейнер?

Ригель мысленно умоляла ее: доверься мне, доверься, как всегда.

Она знала, о чем думает Индра. Даже если контейнер не пострадает при падении, если ценой множественных переломов и сотрясения мозга они выживут, если смогут открыть люк и выбраться на поверхность, им не выжить. Что им делать в выжженной пустыне, без очищенного воздуха, под смертоносным излучением? Криосон казался единственным верным решением.

Индра никогда не ставила решения Ригель под сомнения. Семь лет они выживали благодаря ее осторожности, грани-

чащей с паранойей.

И все же однажды чутье Ригель подвело ее. Тот случай, о котором они с Индрой договорились никогда не вспоминать.

Три года назад они бежали из резиденции деда Юстисия, преследуемые подосланными дядей убийцами. Их сопровождали два автоматона. Ригель и Индра почти забежали в джет, как их настиг мужчина. Кем он был – слугой или наемником, они так и не узнали. Сколько Ригель ни прокручивала в голове тот момент, она приходила к выводу, что он был невиновен. Слишком напуганным он выглядел. Но в тот миг страх за их жизни застилал ей глаза.

Сомнение – это кандалы. Ригель их скинула.

— Схвати его.

Хватило короткого приказа, чтобы автоматон сорвался с места, настиг мужчину и с отвратительным хрустом сломал ему шею. От оглушительного треска костей по позвоночнику Ригель пробежал разряд тока. Индра зажала рот рукой, не позволяя воплю сорваться с губ.

Автоматоны созданы прежде всего как боевые машины. Они не хватают.

Но Ригель, разумеется, знала это, когда отдавала приказ.

Ее паранойя убила человека. Ригель вновь пережила эти мгновения, прочитала их в глазах Индры.

Она сомневалась. И все же выбрала доверять Ригель.

— Я... выбираю контейнер. – прохрипела Индра, совладав с голосом.

Поллукс уронил голову и спрятал лицо в ладонях, как человек, которому зачитали смертный приговор. Сечиль ударила Индру, вцепилась в серебряные пряди и принялась рвать их. Брут оттащил брыкающуюся девицу в сторону и беспардонно затолкал в контейнер. Поллукс пошел сам. Ригель крепко сжала пальцы Индры в знак поддержки.

Она задышала чаще, когда Брут захлопнул люк. Ригель не страдала клаустрофобией, но, если переживет стремительный спуск на землю, наверняка приобретет пару новых фобий. Тьма облепила ее и высосала кислород. Ригель казалось, что она задыхается.

— Тебе повезло, Ри, что я тебя не вижу. — раздался дрожащий голос Поллукса справа. — Иначе свернул бы шею.

— Нам конец! — выла Сечиль. Ее голос доносился снизу, видимо, она сидела, обхватив колени. — Все из-за тебя! Мы умрем... умрем!

Ригель заставила себя дышать ровнее. Она ощупывала стены в поисках перекладин, хоть чего-то, за что можно ухватиться.

— Не вините Ригель! — вступилась Индра. — Дядя тоже выбрал для нас мусорный контейнер. И я... я тоже проголосовала за него.

— Именно потому, что дядя хотел затолкать нас сюда, нужно было выбирать крио! — рявкнул Поллукс. — И не бери на себя слишком много. Ты просто шавка, поддакивающая Ригель. Ты не способна принимать самостоятельные реше-

ния, так что с тебя и спроса нет.

Индра захлебнулась возражениями. Ригель вскипела.

— Кто действительно нас чуть не прикончил, так это ты, Пол. — прошипела она и принялась его передразнивать. — Криокамера, я выбираю криокамеру!.. В контейнере у нас есть хоть какой-то шанс.

— Шанс?! Разбиться в лужу?! Или ты думаешь, что мы заживем припеваючи на бесплодной земле, где нет ни души?

Его слова выбили пол у Ригель из-под ног. Она нахмурилась, размышляя. И пришла к поразившему ее выводу: он не знает. Надо же, он и правда ничего не знает! Паллада не сказала ему...

— Пол... ты видел хоть один криоблок? — уточнила она осторожно.

— Какая разница? Туда не пускают посторонних, но...

— Ты не видел, потому что никаких криоблоков нет.

На какое-то время повисло молчание.

— Что ты несешь?! Я видел криокамеры!

— С людьми?

— Нет, но...

— Ты никогда не увидишь криокамеру со спящим внутри человеком, потому что эти камеры служат не для заморозки. Это уменьшенные кремационные блоки.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу, чтобы ты задумался. Сколько, по-твоему, эссенции нужно, чтобы обеспечивать бесперебойное питание

криокамер? Думаешь, полисы готовы тратить ресурсы на людей, не приносящих пользу? А теперь вспомни, кого замораживают – страдающих от одиночества, от неизлечимой болезни, тех, кто по какой-то причине хочет уйти от прежней жизни в обещанное светлое будущее. Полисы избавляются от балласта.

Индра издала короткий вскрик и тут же заглушила его ладонью. Из темноты слышалось истеричное бормотание Сечиль «заткнись, заткнись, заткнись». Поллукс молчал.

— Хорошо... допустим, я верю тебе. Верю, что в камере нас бы просто сожгли. Но чем контейнер лучше? Даже если мы выживем, в чем я сомневаюсь, что нам делать внизу?

— Думаю, обратиться за помощью к людям.

Поллукс расхохотался, зло и горько одновременно.

— Теперь я начинаю думать, что ты просто рехнулась, Ри. За пределами полисов нет жизни.

Контейнер тряхнуло. Послышался лязг металла – открывались двери шлюза. Нарастал странный, неизвестный Ригель гул. Должно быть, ветер. На высоте, которой держались полисы, он беспощаден. Внутри контейнера воздуха резко стало меньше, дыхание давалось с трудом, хотя виновен в этом скорее всего был страх.

— Я не рехнулась. – огрызнулась Ригель. – Кто добывает эссенцию?

— В пекло тебя, грейдеры! Гигантские роботы!

— Если бы ты изучил устройство этой машины, то понял

бы, что они ни на что не годны без пилота. Они такие же, как автоматы – тупые железяки без воли. Ничто без человека.

Скрежет резал слух.

— А пища, Пол? Откуда еда на твоём столе? Думаешь, ферм в полисах достаточно, чтобы прокормить три миллиона ртов? Питайся мы только тем, что производим сами, и вымерли бы от голода. Все, что тебя окружает, собирают в промзонах, но откуда там берутся детали? Откуда комплектующие?

В годы Инсоляции люди спаслись на первых парящих городах, тогда их звали ковчегами. Не всем хватило места, не на всех были рассчитаны ресурсы. Официально, за пределами полисов не осталось ничего, кроме мутировавшей фауны и пустыни. Но, если углубиться в производственные отчеты, если свериться с неизменно расходящимися числами...

Контейнер вздрогнул, и накренился – его приподняли и поднесли к зияющей в парящем городе дыре. Тело Ригель наполнила легкость.

...Если обратить внимание на прочерки, лакуны или то, что обозначено числами или же одной буквой, можно понять...

— Там, внизу, живут люди.

Человечество не было уничтожено.

Глава 3. Джим

Дафни беспокойно ворочалась у Джима под боком и сопела. Ее богатое воображение подкидывало кошмары.

— Джим! Джим! Оно падает... падает! Прямо на нас...

И почему ей не могут сниться цветущие луга и порхающие бабочки?

Джим подоткнул ей под ноги одеяло и зашептал:

— Пусть падает, а ты отойди в сторону. Не надо героически ловить брошенный в тебя камень.

Веки Дафни затрепетали, и она приоткрыла глаза. Пекло, он не хотел ее разбудить. Обычно, если поговорить с ней сквозь сон, Дафни успокаивалась.

— Давно ты вернулся? — она села на матрасе, служившем им кроватью, и принялась тереть глаза. — Когда я легла, тебя еще не было.

Три часа назад.

— Сразу после того, как ты заснула. — не моргнув глазом, соврал Джим.

Его мышцы гудели, руки подрагивали от усталости, ставшей постоянным спутником. Голову словно набили металлической крошкой, но он выдавил из себя вполне убедительную, как ему казалось, улыбку.

Дафни прищурилась.

— Откуда тебе знать, когда я уснула?

— Не пытайся меня поддавливать. — Джим щелкнул ее по веснушчатому носу.

Глянул на часы — что ж, вот и весь его сон.

В их крошечной комнатухе, слишком тесной для двоих, единственным источником света был прямоугольник аварийной подсветки. В его тусклом свете Джим нашарил футболку, порванную только на плече, и открыл дверцу холодильника. Закрыл и открыл снова, будто ждал, что волшебным образом там появится хоть одна пластинка сухой лапши.

— Прости, Дафни, я раздобуду нам что-нибудь к ужину...

— Ничего, я схожу к тетушке Лу.

Тетушка на деле была старушкой, такой древней, что могла бы застать Инсоляцию. Джим захлопнул дверцу, чувствуя, как горечь разливается по груди. До чего он жалкий и бесполезный. Дафни подкармливают соседи, у которых и самих еда появляется через раз. Он стыдился смотреть на ее худобу.

На верхней полке сиротливо лежал последний шприц со стимулятором. Джим закусил губу. Он голоден настолько, что готов отгрызть себе пару пальцев, и трехчасовой сон никак не улучшал ситуацию. Ему не протянуть еще одну смену. Борьба с самим собой была проиграна за считанные секунды.

Джим быстро вскрыл упаковку и ввел препарат, мобилизующий ресурсы организма. Он не был умником, так что не знал, как именно компоненты действуют: главное, что натру-

женные мышцы мгновенно расслабились, в голове прояснилось, а тело наполнила энергия. Хватит на сутки, а потом ему снова придется искать, где бы достать пару упаковок.

Он быстро обнял Дафни на прощание и выскользнул на улицы Термитника.

Так звался самый многонаселенный район сектора Эпси-лон, состоящий из протяженного лабиринта жилых построек. Дома здесь были выращены из мусора: каркасы из арматуры, стены из спрессованных кип бытового пластика. Они громоздились друг на друга, уродливые, ощерившиеся кусками металла.

Джим ускорял шаг у темных узких проулков. В них водилось слишком много тварей, которые сочли бы его аппетитным – от тараканов размером с ладонь до некоторых соседей.

По всему Термитнику, словно мины, были разбросаны мобильные боксы. Подарок от полисов – можно было воспользоваться ими, чтобы проверить кровь на отклонения от нормы.

Местные называли их капканами. Несколько доверчивых бедолаг оставили в боксах свой ДНК, и вскоре за ними явились – забрали в спартанцы. Неофициальным лозунгом капканов было: «Убедись, что ты здоров – и мы сократим твою жизнь вдвое!».

Шлак хрустел под ногами, как панцирь мертвого жука. Над каньоном, в котором прятался Термитник, нависала корка ржавого металла и пыльного пластика, кое-как сварен-

ных из обломков упавших шаттлов. На их рваных краях уже подрагивал рассвет.

Джим выбрался из каньона и осмотрел небо. Давняя привычка с восьми лет, въевшаяся ему под кожу. Для отходов из полисов отводились специальные пустующие секторы, однако частенько спрессованные кучи шлака падали с неба на жилые районы. Когда одна такая глыба похоронила под собой его мать, Джим научился смотреть не только по сторонам, но еще и наверх.

Когда он добрался до свалки, солнце уже показалось из-за стены, определяющей границы сектора.

— Вот и он! – из кучи хлама выпрыгнул Бо в матерчатых перчатках по локоть. – Опоздал на смену! И где же ты шлялся, прохиндей? Штраф тебе! Штраф и прямой билет в спартанцы! Я тут без тебя уже часа три копошусь!

Джим выразительно оглядел голых по пояс парней, разгребających хлам из полисов. В секторе Эпсилон, кроме как в мусорщики, молодым парням некуда было податься. Так что Бо точно не страдал в одиночестве.

Судя по количеству шлака, приемка уже была. Мусорщики дожидались, когда шаттл спустит тонны хлама, старались не появляться, пока парящий город и его машины не проплывут мимо. Струя перегретого воздуха, вырывающаяся из двигателей, способна сварить заживо. И лишь потом начиналась сортировка.

— Кха-кха! Вот дерьмо! – Бо закашлялся. – Почему нам

не выдают респираторы?! Сегодня вонь хуже, чем обычно.

Полисы перерабатывали органические отходы, но жженный пластик порой пах не лучше, чем ступни Бо после смены.

Джим работал быстро, но аккуратно. Поцарапаться об острый край означало заработать сепсис и скоропостижно скончаться.

В обед, раскрасневшиеся от солнца и блестящие от пота, мусорщики грудились в тени пласта ребристого пластика и поедали паек – галеты, вода и куски соевого мяса.

— Хэй, глянь, логотип тот же, что и у моего костюма.

Бо протянул этикетку от пайка. Титан-2 гласила надпись. Под костюмом Бо подразумевал модную безрукавку (мешок из-под картошки с дырками для рук и головы) и пошитые из лоскутов штаны, надпись Титан-2 находилась аккуратно на заду.

К ним подсел крепкий темноволосый парень. Несмотря на то, что он весь был перепачкан пылью, копотью, на коже засохли капли пластика, а самого его окутывал зловонный ореол старого пота, он был слишком красив для Термитника. Его скулы сводили с ума всех девчонок Эпсилона, а уж стоило ему помыть свои черные локоны...

— Чего тебе? – грубо осадил его Джим. – Проваливай, Куинн.

— Есть разговор.

— Нам не о чем говорить.

От Куинна одни проблемы, и Джим понял это слишком поздно. Потребовались три болезненных напоминания, прежде чем он наконец заключил, что больше не собирается иметь с ним никаких дел. Последняя авантюра закончилась для Джима двумя сломанными ребрами. В Эпсилоне не отправляли больничный, так что Дафни перебинтовала его, и Джим продолжал работать, хоть каждое движение и причиняло ему такую боль, что перед глазами проносились вспышки. Кости срослись, но ныли перед ливнями. Джим, знаете ли, не мечтал о детекторе изменений погоды.

— Товар на этой помойке – просто мусор.

— Что, правда? Я не знал.

Куинн проигнорировал его выпад. Он склонился ближе и заговорил шепотом, словно излагал план заговора, и это была еще одна веская причина заткнуть уши и отвернуться.

— Я знаю, где добыть нормальный металл, высшего качества. Он в десятки раз дороже этого хлама, и ни один урод, объявивший себя хозяином помойки, не будет драть с нас комиссию. Сами сдадим и вся выручка наша.

— Ну нет, Куинни. – Бо поводит грязным пальцем перед носом Куинна. – Ты плохой мальчик, мы с тобой больше не дружим!

— В чем подвох? – спросил Джим.

— Эй, ты что, всерьез хочешь его выслушать? После его очередного похождения я едва не остался без руки! Ты хоть понимаешь, что значит лишиться руки в Эпсилоне?!

Это значило потерять работу и даже шанс получить новую. А те, кто больше не мог работать, не выживали в секторе — милостыню здесь не давали.

Джим говорил себе, что не собирается вестись на уговоры Куинна, и все же часть его знала, что он согласится. Возможность раздобыть денег он не мог упустить. Джим работал за еду, карточки на воду и электричество, но мечтал скопить немного денег и отправить Дафни в школу.

Он уже пропащий, беспризорник без образования, но у Дафни еще есть шанс. Если будет хорошо учиться, сможет перебраться в сектор Альфа, найти достойную работу. А он... он как-нибудь справится.

— Так что за место? И почему о нем знаешь только ты? — допытывался Джим, не обращая внимания на возмущения Бо. — Я хочу знать, на что соглашаюсь. Больше никаких сюрпризов.

— Об этом месте много кто знает, но не суется. Если нас поймают, могут быть проблемы. Но нас не поймают!

Бо цокнул языком.

— Сомнительно.

— Сейчас день, кроты из полисов спят, раньше заката никто из них не покажется.

— Вот сам и лезь к мутанту в пасть, а мы в этом не участвуем!

Бо заметил, что Джим не поддержал его. Более того, он подозрительно притих и уставился на потрескавшийся грунт

меж замотанных скотчем ботинок.

— Мы не участвуем, Джим. — с напором повторил Бо.

— Мы посмотрим издалека, если будет хоть один повод волноваться, сразу же уйдем.

— Ты, мать твою, серьезно?!

Бо вскочил. Куинн шикнул на него и за руку потянул вниз. Никто не обратил на возглас внимания, как и на то, что троица заговорщицки сбилась в кучку и загадочно перешептывалась. Голод и рабский труд убивают интерес к происходящему вокруг, если это не касается тебя лично.

— Только посмотрим. — повторил Джим. — Можешь не идти, если не хочешь.

Бо глянул на него исподлобья, как обиженный ребенок. Джим знал, друг его не бросит, не отпустит одного.

Смена заканчивалась затемно, но они ушли уже после обеда, получив половину полагающихся карточек.

Джим спрятал их в карман, в другой положил галеты для Дафни.

У Куинна оказались припрятаны спрессованные ломтики супа, как раз на троих. Пока они ели, Джим предавался невеселым мыслям, что Куинн заманивает их на свалку сладкими обещаниями и едой, как бродячих псов, которых в особо плохие дни подманивали костью а после забивали и подавали в тушеном виде.

Сытно пообедав, они продолжили путь.

— Это здесь.

Куинн привел их далеко за город, в пустошь. Обычно здесь колыхалась высохшая бесцветная трава. Теперь трава была сожжена, а землю покрывал слой копоти, как у поджаренной курятины.

Они стояли на краю воронки, одной из многих, похожих на язвы, выскакивающие на теле больного волчанкой. Всю пустошь усеивали обломки истребителей.

Джим похолодел, когда до него дошло, куда именно Куинн привел их.

— Мы уходим. — объявил он и уже развернулся, когда при-
тель схватил его за руку. — Отпусти, или я тебя ударю.

— погоди! Мы что, зря проделали такой путь?!

Даже Бо внезапно стал серьезным.

— Не будь дураком, Куинн, нам запрещено трогать этот металл! Это бомбардировщики из полисов!

— Кто заметит? Их до сих пор никто не прибрал, валяются здесь уже неделю. Сколько мы унесем? Никто и не заметит, что пропали пара десятков листов.

Отчасти он был прав. Пустошь превратилась в целое кладбище боевых кораблей. В отличие от шлака, выбрасываемого полисами на свалки, военная техника перерабатывалась наверху, в вольных городах. Умыкнуть оружие, микросхемы или чипы из истребителей значило подписать себе смертный приговор.

— Я скажу тебе, кто заметит. — Джим сложил руки на груди. — Как только мы попытаемся сдать этот металл, нас залю-

жит тот, кому мы попытаемся его сбыть.

— У меня есть надежный покупатель.

Бо закатил глаза.

— Если он такой же надежный, как ты, то я бы предпочел не иметь с ним дел.

— Мы возьмем только металл. — Куинн смотрел в глаза Джиму, убеждая прежде всего его. — Попортим его немного, но не слишком, и он будет выглядеть, как случайно найденное на свалке сокровище. Подумай о Даф, Джим.

— Не смей говорить о Даф.

Джим пытался огрызаться, он хотел найти в себе хоть немного настоящей злости на Куинна, на деле же он чувствовал лишь усталость.

— Ей это нужно. Что ты скажешь ей, когда вернешься ни с чем? Что спасовал?

Он не мог бы найти более подходящих слов, чтобы ударить больнее.

— Ну ты и урод. — проворчал Бо.

Джим тяжело вздохнул.

— Мы возьмем только хреновые листы. — сказал он, ткнув пальцем в грудь Куинна. — Никаких чипов и микросхем, и тем более оружия, ничего, что может подвести нас к виселице. Ясно? Увижу, что ты хотя бы дотронулся до чего-то из запрещенки, и я сломаю тебе нос.

— Заметано.

Куинн протянул ему перетянутую бинтами ладонь, но

Джим не пожал ее.

Ближайший к ним истребитель торчал из земли под углом – клин, вонзившийся в тело планеты. Обшивка отслоилась лохмотьями, обнажив ребра внутреннего каркаса. В одном месте из разорванного бока свисала капсула кресла пилота, пустая, с перерезанными ремнями. Кресло медленно вращалось на ветру, скрипя металлом о металл.

Джим достал самонагревающийся резак и принялся отслаивать попорченные пласты: с вмятинами, подпаленные, с рваными краями. Краем глаза он следил за Куинном.

Работали они в тишине, слышался лишь лязг. Джима передернуло от полного ужаса крика, прорезавшего молчание. Он едва не провел резак по пальцам. Джим нырнул в недра бомбардировщика, где несколько минут назад скрылся друг.

— Бо? Бо!

Потребовалось время, чтобы глаза привыкли к полумраку, и Джим смог отыскать неясный силуэт.

— В чем дело?

Впрочем, он уже догадывался. Запах был хуже, чем в Термитнике.

— Здесь жмурики, Джим! – Бо указал на разбросанные по полу тела. Они успели покинуть командный центр, но не добрались до эвакуационного блока.

Джим помрачнел, и вовсе не от смрада. То, что граждане полисов до сих пор не забрали тела – плохой знак, просто от-

вратительный. Трупы первым делом поднимали с поля боя, и уже после возвращались за кораблями. Если тела все еще здесь, значит, шаттлы могут нагрянуть в любую минуту.

— Что за треугольник у них на форме? – Бо перевернул ближайшего к нему мужчину, позабыв, что пару минут назад вопил при виде тел. Посмотри.

— Мне кажется, это буква «А». Плевать, давай возьмем, сколько сможем унести, и поскорее уберемся отсюда.

Джим замер и насторожился. Снаружи нарастал гул. Поначалу Джим принял его за ветер, но с каждой секундой звук становился настойчивей и угрожающе надвигался прямо на поле сбитых бомбардировщиков.

Бо и Джим обменялись настороженными взглядами.

— Куинн... урод. – выдохнул Бо.

Бежать нельзя. На открытом пространстве их тут же засекут и метким выстрелом разнесут голову, как переспелый фрукт. А если остаться в истребителе... металлические клешни поднимут их в воздух и доставят в полис, где тоже ждет смерть, в лучшем случае быстрая. Джим в детстве хотел узнать, что происходит в парящих городах, из любопытства. Но никогда не хотел, чтобы это стало последним, что он увидит.

Время утекало с каждым мгновением. Нужно решать, что убьет их с меньшей вероятностью. Джим подтолкнул Бо в соседний блок, до которого не дотягивался солнечный свет, и сам притаился рядом.

От рева двигателей задрожала земля. Грохот потряс искореженные стены истребителя – шаттл приземлился. Джим затаил дыхание. Несколько минут, растянувшихся на целую вечность, ничего не происходило.

Пекло. Они пришли не за кораблями. Они здесь, чтобы забрать тела.

Судя по панике, сверкнувшей в глазах Бо, он пришел в тому же выводу.

— Отсидимся здесь. – прошептал Бо едва слышно, Джим скорее прочитал по губам. – Заберут жмурика и уйдут.

Джим покачал головой. Они осмотрят весь корабль, чтобы убедиться, что никого не осталось.

Вслед за криками прогремел выстрел. Куинна обнаружили. Теперь они знают, что здесь кто-то есть, и не уйдут, пока не поймают нарушителей. Бо зажмурился, словно прогоняя видение. К сожалению, оно было их реальностью. Джим скользнул в дальний блок, искал лазы, люки, шлюзы, окна – через что они могли бы попытаться выбраться, не привлекая внимания.

— Не двигаться.

Голос был спокойным, даже скучающим. Веса ему придавал щелкнувший затвор.

Джим замер. Резак все еще сжимала его рука. Оружие – пусть даже инструмент – приравнивалось к сопротивлению. Он медленно, очень медленно разжал пальцы. Резак упал с глухим стуком.

— Выходим по одному. — все тот же бесцветный голос. — Руки за голову. Пальцы переплести. Если кто-то решит, что сегодня хороший день для геройства, мы быстро его переубедим.

У Джима совершенно невовремя зачесалась спина. Плечо. Затылок. Очаги мучительного зуда вспыхивали по всей коже, словно тело готовилось к пуле, разрывающей ткани.

Снаружи у гудящего шаттла сидел на коленях Куинн. Он держал руки на затылке, голову склонил, так что волосы скрывали лицо. Ему в висок смотрело дуло автомата. Не парализатор, которыми пугали гражданских.

Двигатели разносили по воздуху клубы пыли. Поток горячего воздуха едва не снес Джима с ног. Во рту пересохло, язык мгновенно стал как наждачка.

Солдаты полисов в черных тактических костюмах с блестящими вставками на плечах и груди осматривали шаттлы. Шлемы скрывали их лица. Защитные костюмы ограждали граждан полисов от солнца — даже те, что десятилетиями служили на базах за пределами парящих городов не победили чувствительность к излучению.

Пинок под колени помог Джиму быстро опуститься рядом с Куинном. Джим рухнул лицом в землю и тут же поднялся, вернул руки на затылок. Песок скрипел на зубах, глаза слезились от жара и пыли. Их не пристрелили на месте. Почему? Казнят прилюдно, в назидание остальным?

— Вы залезли не в тот хлам. — солдат шагнул ближе, и

Джим почувствовал запах машинного масла и озона.

Шлем искажал голос, впрыскивал в него металл.

— Это не гражданская свалка. Это место гибели солдат Дома Альтарион. И по законам полисов, мародерство на поле боя наказывается смертью на месте.

Бо не выдержал и с отчаянным рыком боднул Куинна в висок. Тот не остался в долгу и вцепился в рыжую голову друга. Они катались в пыли, пока их не разняли и не угомонили пинками и кулаками.

Солдаты упаковывали тела в мешки и стаскивали к шаттлу. Затянутые в брезент трупы лежали на расстоянии вытянутой руки от Джима. Чернеющее дуло смотрело ему промеж глаз. Джим стиснул зубы при мысли, что его не удостоят мешка. Пожалеют даже потраченной на него пули. Бросят здесь, в пустоши, гнить под солнцем, чтобы птицы отрывали от него кусок за куском.

Он подумал о Дафни. Ей не справиться без него. Как страшно ей будет, когда он не вернется ночью, и утром, и следующей ночью... Джим представил, как ей придется выпрашивать карточки у Салливана, хозяина Термитника. У старого урода с лоснящейся кожей, облизывающегося при виде истощенных умирающих девочек. Его передернуло от омерзения.

— Нас собирались забрать в спартанцы! — выкрикнул Джим.

Он не видел лиц солдат под шлемами, но наверняка на

них застыло то же изумленное выражение, что и у помятых Бо и Куинна.

Тот, что выносил им смертный приговор, хмыкнул:

— Неужели?

— Мы сдавали кровь в капканах... то есть, в мобильных боксах. И получили повестки. Сожгли их, разумеется. Но...

От удара в челюсть Джим прикусил язык, и рот наполнился кровью. Джим упал, попытался подняться, но носок сапога прилетел ему прямо в лицо. Из чего в полисах делают сраную обувь?! Почему так больно?

Град ударов посыпался на ребра, руки, голову. Джим свернулся на земле, прикрыв лицо и подтянув колени к груди, чтобы защитить живот. Он и не думал давать отпор – только продлил бы свои мучения. Наконец командир выдохся, провёл рукой по шее, закрытой тканью комбинезона, промокивая пот. Джим к тому времени ощущал себя отбивной котлетой.

— Капитан, что, если правда? – подал голос тот, что разнимал Бо и Куинна.

— Знаешь, сколько новобранцев привозят с Эпсилона? – огрызнулся капитан. – В этой вонючей дыре нет ничего кроме мусора и крыс, которые его сортируют.

Шлем повернулся к Джиму, все еще лежащему на земле, и какое-то время смотрел на него из-под черного переливающегося стекла.

— Хотя... грузите их.

Бо и лежащегося Куинна впихнули в багажный отсек. Следом штабелями уложили мешки с телами.

Скрипя зубами от боли, Джим поднялся и поплелся к шаттлу. Капитан дышал ему в затылок. Джим споткнулся о платформу, упал, ободрав локти, и почти на четвереньках заполз в шаттл, как побитая собака, пока его снова не наградили пинками.

Двери багажного отсека захлопнулись, автоматически загорелась неоновая подсветка. Джим привалился к стене, тяжело дыша. Провел языком по зубам, убеждаясь, что все на месте. Пол завибрировал от набирающих мощность двигателей.

— Как ты? – тихо спросил Бо.

Джим отмахнулся.

— Ты понимаешь, что натворил? – рявкнул на него Куинн. – В спартанцы захотел?! Как думаешь, куда нас отправят, если мы не подойдем по параметрам, а?

Кровь ударила в голову.

— Я натворил? Ты притащил нас сюда!

— Прямо-таки на поводке тащил, насильно?

Шаттл дрогнул, громыхнул суставами и оторвался от земли. Отсек накренился, брезент с телом прижался к боку Джима, как ласковый кот. Джим с ненавистью отпихнул его от себя.

— Мы из-за тебя по уши в дерьме, тупой ты урод! – он бросился на Куинна, повалил на пол и наносил удар за уда-

ром.

Куинн сопротивлялся. Они били, кусали и рвали друг друга, пока Бо не оттолкнул Джима. Они отползли друг от друга в разные концы блока и затихли.

Джим ненавидел Куинна всем своим существом. Никогда раньше он не задумывался об убийстве, но теперь чувствовал, что способен лишить жизни человека, возможно, с особой жестокостью. По крайней мере, Куинна.

Дафни даже не узнает, что с ним случилось. Куда и почему он пропал. Ей не пойти в школу, не перебраться в сектор Альфа.

Было бы проще думать, что во всем виноват Куинн. Но мысль, что Джим сам выбрал рискнуть, что это он сломал сестре жизнь своей глупостью, отравляла его.

Бо пытался заговорить, но Джим отвернулся к стене и закрыл глаза, отгораживаясь от реальности, в которой его везли к новой жизни.

База кротов из полисов вгрызалась в землю на десятки этажей. Прячась от солнца, они зарывались в самые недра истерзанной земли и громоздили там свой улей.

Когда двигатели смолкли, Бо растолкал уснувшего (или потерявшего сознание) Джима.

— Эй-эй, не драться! – Бо отпрянул, когда Джим едва не расцарапал ему лицо. – Это же я, твой друг, бесподобный красавчик Бонифаций!

Их выволокли из грузового отсека. На миг Джим оторопел: вертикальная шахта уходила вглубь на сотни метров. Биолюминесцентные лампы опоясывали кольцо каждого яруса. Гул системы вентиляции и фильтрации воздуха, перекликающиеся голоса, эхо шагов по металлическим решеткам сливались в какофонию.

— Шевелитесь.

Руки им стянули пластиковыми хомутами. Джим плелся на ослабевших, заплетающихся ногах, изо всех сил стараясь не упасть. Кроты награждали троих тычками и ударами чаще, чем требовалось. Джим зло подумал, что с трупами в брезенте обращаются намного аккуратнее.

Его впихнули в узкую камеру, где едва поместился он и солдат полиса. Джим оглянулся проверить, где Бо и Куинн, за что получил удар прикладом в висок. В голове зазвенело. Сквозь шум крови едва пробилось жесткое:

— Снимай штаны.

Это последнее, что Джим рассчитывал услышать, находясь в тесной комнатке с мужчиной, держащим его на прицеле.

Соберись, соберись, соберись.

Он едва соображал от усталости и боли. С трудом шевелясь, Джим стянул штаны, а затем по требованию избавился и от трусов. Его футболку превратили в лоскуты с помощью ножниц, и тряпье отправилось в открывшееся окошко. Вспышка синего пламени — и от одежды не осталось и пепла.

Солдат втокнул Джима в соседний отсек, еще более тесный, и босые ноги прошлепали по кафелю. Сверху и со всех сторон форсунки расстреливали его струями горячей воды. Джим уворачивался, отплевывался, но лило отовсюду, вода заливалась в уши, в нос, он едва мог дышать. Струи воды сменились дезинфицирующим газом. Джим закашлялся от резкого запаха хлорки. От газа на коже осталась липкая пленка. Ее смыло новым потоком воды.

Когда новые хозяева решили, что Джима достаточно прополоскало, двери его пыточной камеры распахнулись. Солдат перерезал хомут и велел одеваться. Холодок пробежал по спине Джима, когда он понял, что ему выдали не комбинезон новобранца, а больничную робу. Как лабораторной крысе, а не будущему спартанцу.

Конечно, сначала его осмотрят и убедятся, что он действительно годится для службы. Если же нет... подземная база станет его могилой.

Ткань робы не просвечивала, однако шуршала как бумага и ощущалась очень тонкой. Джим не был скромником, но не хотел трясти причиндалом перед всей базой – на верхних уровнях у перил грудились как жители секторов в серых комбинезонах спартанцев, так и солдаты полисов в черной форме. Они свистели и улюлюкали. С негодованием Джим отметил, что его соплеменники радовались его унижению едва ли не больше ублюдков из парящих городов.

Пока его вели по стерильным пустым коридорам, Джим

оглядывался в поисках Бо и Куинна. Куда их отправили?

Блок, в который они вошли, ослеплял белизной. Из ламп лился холодный трупный свет. Повсюду сновали бледные люди в белых халатах с пустыми, безразличными лицами. Они неодобрительно поглядывали на солдата в черном. Женщина с подносом игл и шприцов кивнула на одну из вереницы одинаковых дверей.

Мышцы Джима скрутило от напряжения. Он чувствовал, как будто его заживо закопали – стены давили, воздух был чужим, пропитанным озоном и антисептиком, а в груди пульсировала тупая, тянущая боль, похожая на ту, что осталась после сломанных ребер, только теперь она была не в костях, а где-то глубже, в том месте, где раньше жила надежда, что он сможет вытащить Дафни из Термитника.

Только не лаборатория. Свалка, казарма, что угодно, но только не медицинский блок. Животный ужас толкал его лезть на стены, когтями выскребать себе путь к спасению через толщу металла.

Холод кожаной кушетки пробирал до самых костей. Солдат затащил на запястьях и щиколотках ремни и оставил Джима одного в пустом помещении, отделенном от лаборатории пуленепробиваемым стеклом.

Ему не оставалось больше ничего, кроме как наблюдать мельтешение букв и изображений на голографических экранах и возню людей в белых халатах. Звуконепроницаемые стены отделили Джима от мира, предоставив ему слушать

самого себя. Гулкое, болезненное биение сердца и короткие панические вздохи. Он как жук, накрытый стеклянным колпаком.

С потолка на него надвигался круглый диск. Замерев в полуметре над Джимом, диск медленно двигался от макушки до пят. Через прозрачное стекло он мог лицезреть высветившиеся на галло-экранах собственные внутренности. Мозг, легкие, сердце, кишки. Мужчина с щетиной, оформленной в витиеватые узоры, смахнул изображение, и голограмма продемонстрировала ему скелет Джима, а затем жуткую сетку его нервной системы.

Джим с горечью подумал, что кости у него целые, а вот мозговая активность не впечатляющая. Хотя, стоило ли ожидать другого: он ведь был достаточно туп, чтобы опять купиться на заверения Куинна, что опасное дельце выгорит.

В его камере, из которой высосали звуки и запахи, внезапно раздался цокот крошечных лапок. Джим повернул голову. К нему ползла крошечная металлическая тварь. Ее тонкие ножки будто скребли по его позвоночнику. Джим дернулся раз, второй, но ремни намертво пристегнули его к кушетке.

Металлический клещ пощекотал его ногу, поднялся к плечу и переполз к сгибу локтя. Несчастный участок кожи уже был истерзан уколами стимуляторов. Клещ уселся прямо на одно из синих пятнышек и вонзил в него тоненький хоботок. Джим выгнулся не от боли – укол едва ощущался. От омерзения. От нестерпимого желания раздавить мелкую

тварь. Та тем временем наполняла брюшко его кровью.

Напившись, клещ пополз к хозяевам, и через пару минут они уже изучали анализ крови Джима. Мужчина со странно оформленной щетиной наконец удостоил Джима взглядом. Он поднес ко рту маленький микрофон, и невидимый динамик донес до Джима его обманчиво-сладкий голос:

— Поздравляю, молодой человек. Просто поразительно, что при условиях жизни в секторе Эпсилон ты абсолютно здоров и удивительно крепок. В нашей базе данных нет твоей ДНК, назови имя.

Джим огляделся в поисках микрофона.

— Можешь говорить, я услышу.

— Джим Каллаген.

— Отлично, Джим, сколько тебе?

— Девятнадцать.

— Чудненько.

Его забрал тот же солдат, что и привел сюда. Отдельная комната, сканер, жучок для сбора крови – все эти устройства созданы, чтобы граждане полисов не прикасались к отребью вроде Джима. Хоть его и продезинфицировали, они боялись подхватить от него заразу.

Джиму выдали форму – серый комбинезон, вновь заставили раздеться, прислонить руки к стене. Лазером быстро выжгли на спине штрихкод и номер – Э-19-47. Эпсилон, 19 лет, и, видимо, порядковый номер. Разрешили одеться.

Кожу в том участке, где нанесли метку, жгло. Это не крас-

ка, ее не смыть. Только содрать вместе со шкурой. Джим влез в мешковатый комбинезон, достаточно быстро, чтобы не нервировать следящего за ним солдата. И в то же время нарочно притормаживая, выгрызая себе секунды на размышления.

Итак, он жив. Его не пристрелят, как больную псину. Но к Дафни ему уже не вернуться.

Нет, нельзя даже мысли такой допускать. Он жив. Не лежит с продырявленным лбом в пустоши. Он теперь спартанец. Само слово звучало чуждо, и Джим до конца не мог поверить, что пополнил их ряды. Хотя жжение на спине казалось реальнее его воспоминаний о Термитнике.

Если он жив, значит, сможет сбежать. Его не будут держать под землей вечно. Какой в нем толк, если его нельзя использовать, пустить в расход на правое дело обеспечения полисов ресурсами. Рано или поздно для Джима откроется путь вверх, и к тому времени он должен как можно тщательнее подготовиться.

Дафни сможет продержаться, она его дождет. Он обязан верить в нее, а иначе не останется ни тени надежды.

На его запястье защелкнули браслет – продвинутая версия наручников, эксклюзивно для спартанцев. Браслет служил пропуском в секции, куда для Джима открыли доступ, нужно было лишь поднести к сканеру штрихкод, такой же, что теперь красовался у него промеж лопаток. Браслет сообщал Джиму расписание дня. Но, что самое главное, внутрь

был вшит датчик слежения.

Придется придумать, как от него избавиться. У Джима крепкие зубы, но вряд ли им по силам металл. Пока в голову не пришло ничего лучше идеи отрезать кисть, но Джим отложил ее на крайний случай.

Браслет услужливо сообщил, что настало время ужина. Солдат проводил Джима до столовой – безликого помещения с длинными металлическими столами с приваренными табуретами.

Парни в серых комбинезонах бодро звякали ложками о плоски со странного вида бурдой, перебрасывались последними новостями. Их голоса сливались в нестройный гул, временами перебиваемый смехом. Они не вели себя как обреченные. Хотя, может, так и выглядят люди, знающие, что не доживут и до тридцати пяти. Хватаются за самые ничтожные радости жизни.

Никто не обратил внимания на Джима, получившего свою порцию каши и отправившегося к дальним пустующим местам. Все еще дезориентированный после душа с дезинфекцией и осмотром в лаборатории, Джим был не в настроении заводить новые знакомства. Он жевал вязкую субстанцию и оглядывал столовую в поисках Бо... и Куинна. Какой-никакой, а все же земляк. Джим не желал ему смерти. Но был бы не против, если бы Куинна как следует помяли.

Вместо друзей он заметил мужчин в черном – солдаты полисов. Они стояли вдоль стен, широко расставив ноги и сло-

жив руки за спиной. Следили за порядком. На поясах у них болтались действенные инструменты для наказания нарушителей спокойствия – дубинки и электрошокеры для особо непонятливых.

Он и не понял, как выгреб кашу из миски, да так, что ни одного комка не осталось. И ощутил давно забытое чувство – сытость.

— Я уж думал, больше тебя не увижу! – Бо уронил разнос на стол и опустился напротив Джима. – Ты все-таки прошел досмотр. Знаешь, я сомневался, потому что... ну, последнее время ты выглядел немного болезненно.

Последнее время? Он, наверное, хотел сказать «последние девятнадцать лет».

Узел, сжимавший внутренности Джима все это время, распустился. Друг жив, и это главное.

И не только он.

Куинн почти швырнул разнос на стол. Джим, конечно, хотел, чтобы его поколотили, в наказание за тупость и неизменное стремление подставить друзей. Но он и не думал, что сегодня день исполнения желаний. И хотя сам Джим выглядел не лучше, кожа его цвела всеми цветами гематом, он испытал злорадное удовлетворение.

— За смазливую физиономию полагаются дополнительные тумачи? – любопытствовал он.

— Заткнись. – буркнул Куинн.

— Тяжело тебе, впервые в жизни не похож на красавца...

— Ты же как-то справляешься всю свою жизнь.

— А ну прекратили! – втиснулся Бо. – Если бьют красавцев, то я первый должен был получить!

Куинн уткнулся в тарелку. Джим надеялся, что муки совести будут скрести его долго и не позволят спать по ночам.

— Нужно бежать отсюда. – прохрипел он, поддевая ложкой кашу.

Джим хмыкнул.

— Ты еще громче скажи, ребята с дубинками тебя не слышали.

К ним обернулась смуглая крепкая девчонка с двумя длинными толстыми косами.

— Новенькие? – уточнила она.

Джим гадал, слышала ли она последнюю реплику Куинна. Кивнул.

— Отвернись и ешь свою баланду. – огрызнулся Куинн.

Неудивительно, что у него нет друзей. Кого не убил сомнительными аферами, тех отпугнул поганым характером. Джим пнул его под столом и получил ответный тычок.

Бо поправил воротник комбинезона и поиграл бровями.

— Разойдитесь, мальчики, это ко мне.

Девчонка басисто расхохоталась, запрокинув голову.

— Зовите меня Рипли. – объявила она.

Джим представил своих друзей и добавил, что их привезли из сектора Эпсилон.

— Забудьте про секторы. Теперь не имеет значения, где

вы родились. Ваш дом на этой базе.

Сложно назвать домом скотобойню, однако Джим смолчал. Рипли не назвала свой сектор, он и сам догадался. Темная от рождения кожа, обожженная солнцем, широкая кость и развитая мускулатура – последнее Рипли могла приобрести уже на базе, но Джим почему-то был уверен, что она из продовольственного сектора Дельта. Инсоляция пощадила его, так что полисы быстро сделали обширные территории своей кормовой базой. Рипли работала на земле и никогда не голодала, по крайней мере не так, как Джим и его земляки.

— Правда, что спартамцам в зад вгоняют огромный штырь для подключения к грейдеру? – спросил Бо.

Джим бросил Рипли сочувственный взгляд, говорящий: я пойму, если ты отвернешься и больше не заговоришь с нами. Смутить Рипли оказалось непросто:

— Это тонкая игла, которая подсоединяется к нервной системе, чтобы сигналы, которые мозг посылает твоему телу, получал и грейдер. – пояснила она. – И не в зад, а в затылок. Говорят, раньше и правда был толстенный штырь...

— Я так и знал!

— Но он шел через затылок вдоль позвоночника.

— А выходил он тогда где?

— Да не выходил он! – Рипли всплеснула руками. – Все вопросы отпадут, когда появится расписание на завтра. К грейдерам вас еще месяц не подпустят. Тебя, По...

— Бо.

— Тебе вообще такими темпами спартанцем не стать.

Прозвучало, словно Бо вот-вот лишат величайшей награды в его жизни. Может, в секторе Дельта иное представление о спартанцах. В Эпсилоне нет желающих гарантированно умереть в тридцать, а последние годы жизни потратить на добычу эссенции для полисов. Дали бы Джиму мощную пушку, и он пальнул бы из нее в небо, прямо в парящий город.

После ужина их отвели в жилой блок. Казармы растянулись на сотни метров трехъярусных коек, разделенных узким коридорчиком, где двое могут протиснуться только боком. Браслет указал Джиму на койку с номером 1723, Куинна расположили в пяти местах от него, Бо вообще очутился в самом конце коридора.

Эта казарма отводилась для новобранцев, свежееотловленных. Никто не разговаривал друг с другом, глядели затравленно. Джим узнал нескольких земляков. Истощенные и жалкие – Эпсилон, без вариантов. С десятков парней, похожих на Рипли: подкаченные и немного грузные, из сектора Дельта. Высокие и складные, держащиеся высокомерно – выходцы из Альфа и Беты. Они здесь добровольно, наверняка еще и за честь почитают служить страшшимся солнца хозяевам.

Джим взобрался на третий ярус. Постельное белье шуршало, от него несло хлоркой. Он пообещал себе, что не проспит на нем долго.

Джима поднял протяжный вой сирены.

Он дернулся, приложился лбом о нависающий над ним потолок и упал обратно на подушку.

На не его подушку. Дома он спал на старой, покрытой пятнами, набитой перьями.

Постель тоже была не его, и посреди ночи его не будил встревоженный шепот сестры. Джим не помнил, как отключился, и проспал коротким сном без сновидений. Голова болела так, словно ему вкручивали здоровенный болт в череп.

Трезвонил его браслет, вливаясь в адский хор других браслетов. Можно подумать, объявили воздушную тревогу. На них надвигается клин истребителей с заданием похоронить базу под землей.

Но нет, всего лишь время подъема.

Джим слез с койки, наступил соседу снизу на голову, узнал, что он тупой урод. В тесноте коридора они возились, как слепые мыши. То и дело кто-то отдавливал ноги, попал локтем в лицо, в ноющие ребра, в живот. В сплетении тел, полумраке казармы и духоте от ночного пота Джим кое-как натянул комбинезон.

Жалкое зрелище из себя представляли новобранцы. Предполагалось, что по команде браслета они поднимутся, организованно влезут в форму и построятся вдоль коек... Хозяйева из полисов наверняка разочарованы.

Жуткий вой прекратился, зато теперь браслет мигал в ли-

цо Джима красными цифрами 4:30. Он ждал, что начнется обратный отсчет до взрыва, но браслет миролюбиво сообщил: *подъем*.

На построении инструктор с красным как вареное мясо лицом долго и изобретательно разъяснял новобранцам, что они позорный шлак, биомусор и полные ничтожества. Полагалось стоять, держа ноги на ширине плеч, руки за спиной, и соглашаться. Инструктор явно вошел во вкус, проорав, что раньше все они были животными, думающими только о том, как бы прокормить свои рты...

Интересно, подумал Джим, чьи же рты он должен хотеть прокормить? Не граждан полисов, случайно?

...но здесь из них сделают людей, если повезет, даже настоящих мужчин, и они послужат человечеству, а не удовлетворению собственных низменных потребностей.

После построения их передали главному инструктору Гризельде Росс. Это была высокая женщина с осунувшимся лицом и неестественно прямыми волосами, выкрашенными в убийственно-красный цвет. Ее сощуренные глаза злобно стреляли в новобранцев из-за крючковатого носа. На поясе болталась плеть, какой стегают лошадей. Скрипучим голосом, словно кто-то провел вилкой по железу, она велела следовать за ней.

Наивно было полагать, что их ведут на завтрак.

Час они бегали по спиральному пандусу вокруг шахты, вверх и вниз, подгоняемые выкриками и плетью.

Первый круг. Второй.

Икры горели уже на третьем. Легкие – на четвертом. Пятый, шестой – Джим перестал считать, потому что каждый шаг превратился в отдельное усилие, за которое хотелось награды или хотя бы передышки.

Внизу, в шахте, слышались чьи-то шаги. Эхо поднималось и множилось, превращаясь в хор из десятков ног, и этот хор пел одну и ту же песню: беги, беги, беги, пока не рухнешь.

Пандус кончился. Началась полоса.

Сначала – стена. Шершавая, черная, метра три высотой. В Термитнике он лазал по кучам шлака, но там было за что зацепиться. Здесь – ничего. Только сила рук и отчаяние. Джим подпрыгнул, пальцы скользнули по поверхности, он повис, подтянулся, перекинул ногу. Упал на другую сторону – больно, колено врезалось в металл. Вскочил. Кто-то по ту сторону стены упал, раздался хруст, стон, а после визг Гризельды Росс и свист плети.

Рукоход. Трубы, покрытые маслом. Джим повис, перебирая руками, ноги болтались в воздухе, мышцы спины кричали. Он сорвался на третьей трубе, упал плашмя на живот, выдохнул весь воздух. Встал. Снова. Пальцы не слушались, соскальзывали, но он цеплялся, потому что не цепляться было нельзя.

Впереди маячил затылок Куинна, черные пряди прилипли к мокрой от пота шее. Бо пыхтел позади.

Тоннель. Пластиковая труба, такая узкая, что плечи за-

стревали. Джим полз на локтях, подбородок царапал дно, в ушах стучала кровь. Снаружи уже слышались шаги – его догоняли. Он дернулся, застрял сильнее, рванул комбинезоном, пролез. Вывалился наружу, не чувствуя рук.

Мешки с песком. Их нужно было тащить. Джим схватил первый попавшийся, взвалил на плечо и пошел. Мешок был тяжелее, чем он сам. Ноги утопали в гравии, дышать стало нечем – ребра давили на легкие, или легкие на ребра, он уже не разбирали.

Хлесткие удары плети раздавались все чаще. Каждый отдавался биением жилки у Джима на виске. Злоба клокотала в нем, и когда Гризельда Росс, словно коршун, спикировала на очередного упавшего новобранца, терпению Джима пришел конец.

Не отдавая себе отчета, он влез между ней и побитым мальчишкой. Первый удар плетью пришелся ему по плечо, второй он перехватил, намотал плетью на ладонь и дернул.

В его руках почти не осталось сил, но инструктор Росс выпустила плетью из рук, ошеломленная внезапным сопротивлением. Плетью безвольно повисла, и в тренировочном центре стихли все звуки – стоны, тяжелое дыхание, стук ботинок. Все уставились на замерших друг напротив друга новобранца и инструктора.

Джим растерянно посмотрел на плетью в своей руке. И что ему с ней делать? Стегнуть Гризельду и встретить бесславную кончину? Зачем он только влез?

Он швырнул плетъ ей под ноги и помог подняться избитому парню. Тот принял помощь неохотно, и, стоило ему окаться на ногах, отпрянул от Джима, будто он был заразен.

Гризельда мучительно медленно подобрала плетъ, взвесила ее в руке.

— Чего встали?! Был приказ?! Вперед, пока я не забила вас, как тупую скотину!

Джим сошел с места не сразу. Ему не могли спустить подобную выходку и отпустить, сделав вид, будто он не нарушил местный порядок.

Гризельда растянула тонкие бескровные губы в улыбке.

— Беги, дорогой, полоса еще не пройдена.

Уже за завтраком Бо напустился на друга:

— Зря ты вмешался. Эта стерва тебя прикончит.

— Без тебя знаю.

Джим поглядывал на солдат из полиса с электрошоками. Он ждал, что они опрокинут его на пол и примутся забивать ногами. Или уволокут в карцер, должен же здесь быть карцер, специально для придурков вроде Джима, любящих лезть не в свое дело.

Но надзиратели в черном не шевелились, и признаков жизни подавали не больше, чем стулья. Гризельда не спустит ему утреннюю выходку, Джим и не надеялся. Просто его ждет нечто особенное. Росс сделает его примером для остальных.

— Он поступил правильно. – возразил Куинн. – Пусть

бледнолицая сука побесится.

— Коллаборационистов не спрашивали. – Бо ткнул в Куинна вилкой.

— Кого? Ты хоть знаешь значение этого слова? Или опять брякнул невпопад?

— Я думаю, человека, который раздобыл для наших врагов сразу трех новых спартанцев, можно назвать коллабора... колла... тьфу, сбил меня!

В классе, где им объясняли устройство грейдеров, Джим не мог сосредоточиться. Стимулятор окончательно вымыло из его крови, и по телу расползлось онемение. Обычно ломка наступала его ночью, в постели. Джим отодвигался от Дафни, чтобы не пугать ее, запутался в одеяле и переживал накатывающие судороги. Утром он вылезал из пропитанного потом одеяла измученный, но очищенный. Здесь ему не дадут времени оклематься.

На обеде к ним внезапно подсела Рипли, ее поднос стукнулся о разнос Джима.

— Привет, бунтарь! – засмеялась она. – Говорят, уже в конце недели тебе назначат грейдер. Здорово, да?

Ее веселость повергла Джима в еще большее уныние.

— Мне не говорили ничего подобного.

— Я только что подслушала, как Гризельда рекомендовала тебя главному инструктору. Сказала, ты великолепно проявил себя на тренировке.

Джиму стало интересно, в какой именно момент он пока-

зал себя выдающим спартанцем: когда едва дополз до конца полосы или когда корчился за партой от ломки.

Рипли продолжала трещать. О том, что, если слияние с грейдером пройдет успешно, Джим быстро нагонит предыдущий набор и, возможно, на первую вылазку за эссенцией они отправятся вместе. Она рассуждала с неподдельным восторгом, размахивая руками и выпучив широко посаженные глаза. Еще немного, и вот-вот затянула бы гимны парящих городов.

Бедняжка Рипли, подумал Джим, как же ей промыли мозги. С чистящим средством, растворяющим извилины, и хорошенько прополоскали.

Вскоре он понял, почему у Рипли мозги набекрень.

Их кормили скудно, ровно настолько, чтобы они не умерли от истощения. Дополнительные пайки выдавались за хорошее поведение: победа в спарринге, энтузиазм на тренировках, верные ответы в классе. Одобрение полиса означало сытость.

— Вы здесь не потому, что вы особенные. Вы здесь потому, что мы позволили вам здесь быть. Каждый кусок соевого мяса, каждый глоток воды – подарок полиса. – проговаривала Гризельда на построении.

Им запретили говорить о прошлом. До одного из инструкторов долетело, как парень из сектора Бета упомянул старшего брата.

— У тебя был брат? – уточнил инструктор, подойдя к пар-

ню почти вплотную.

Парень молчал. Инструктор ударил его под дых, быстро, профессионально, без злости.

— Был?

— Нет. – выдавил новобранец, сгибаясь пополам.

— Вот и славно. Исправь меня, если ошибусь: у тебя никогда не было брата.

— Полисы не обязаны вас кормить. Полисы не обязаны вас спасать. Но они это делают – потому что вы нужны. Потому что без вас они падут. Это не долг. Это ЧЕСТЬ. – вопила Гризельда, пока они принимали упор лежа.

За провинности одного карали всех. Бо не уложился в шесть минут на полосе, и Гризельда заставила весь отряд снова и снова проходить препятствия в счет обеденного времени. Джим поймал себя на том, что злится на друга, а не на красноволосую стерву. Бо не виноват, твердил он себе, виноват тот, кто назначает наказание, а не тот, на кого повесили вину.

И все же он начинал привыкать. Прежде волю к сопротивлению притуплял страх, но уже к концу недели Джим выполнял ежедневные требования по привычке. Он запоминал план базы, расположение шлюзов, убеждал себя, что планирует побег и вскоре вернется к Дафни. Однако он не планировал. Ему не давали возможность сосредоточиться на чем-то кроме тренировок, грейдеров, эссенции и собственного выживания.

Джим и забыл, о чем толковала ему Рипли. Забравшие его с обеда инструкторы напомнили о его выходке. Они молча вели его по ранее неизвестному Джиму коридору, держась чуть позади.

Дверь шлюза поползли в разные стороны, и Джим вошел в другой блок базы, полностью принадлежавший военным из полисов. Здесь было больше света и пространства, люди в черном не выглядели замученными.

Как только Джим перешагнул порог, на плечо ему легла тяжелая рука, предупреждая. Без глупостей. На Джима поглядывали с интересом, будто в их отсек пробралась диковинная обезьянка.

На миг он забыл собственное имя, когда увидел грейдер. Кусок металла высотой не меньше девяти метров, покрытый многослойной броней. Не гладкой, не обтекаемой, сваренной из листов разной толщины. Джим остановился у одной из четырех ног-опор, сочлененной, с гидравлическими мышцами, с когтистой ступней.

Его впихнули в кабину, освещенную синеватыми экранами. Внутри возился доктор Публий – тот самый мужчина со странно выбритой щетиной. Его вид всколыхнул еще свежие воспоминания о медблоке, и у Джима подкосились колени. Голова закружилась от щекочущего ноздри запаха антисептика.

Полуошейник с торчащей из него иглой висел на рычаге, опускающемся сверху, как паук в ожидании. Джим попятил-

ся. Уперся спиной в грудь инструктора. Он вспомнил слова Рипли: через иглу грейдер подключат к мозгу Джима. Игла была не толще конского волоса, но Джим вдруг понял, что не так он хотел умереть.

Пусть лучше его застрелят, забьют насмерть, но он не даст воткнуть в него это...

Джим боднул инструктора в подбородок и бросился бежать. Второй настиг его сразу же, навалился всем телом и придавил к полу кабины. Джим извивался, пинался, кусался, но хватка не ослабевала.

— Не рекомендую тратить силы, они тебе понадобятся. — равнодушно бросил доктор Публий. — Принесите кресло.

Джима схватили за плечи и усадили. Руки тут же прижали к подлокотникам, и ремни автоматически затянулись на запястьях, щиколотках, груди, бедрах. Джим забился в ремнях так, что кресло заскрипело.

Полуошейник поднесли к его затылку. Одним плавным, уверенным движением доктор Публий вонзил иглу.

Джим дернулся. Не больше уколов стимулятора, только холодок пополз от затылка к голове и шее.

Боль нарастала постепенно, как гул вентиляции, внутри его черепа. Казалось, кто-то взял его мозг и начал медленно, методично протыкать его спицами со всех сторон сразу. Слезы брызнули из глаз.

Доктор Публий что-то говорил. Джим, кажется, кричал. Он не слышал. Все звуки слились в один — высокочастотный,

вибрирующий прямо в его мозге.

Импульсы пошли по нервным окончаниям. Он чувствовал каждую свою мышцу по отдельности. Пальцы левой ноги горели. Икры сводило. Поясница пульсировала болью, хотя никто к ней не прикасался. Джим и рад бы умолять, унижаться, просить прекратить, но челюсти свело, и он не мог их разомкнуть.

В какой-то момент Джим перестал понимать, где он находится.

Он видел Дафни. Она стояла в белой комнате, такая же худая, как всегда, с растрепанными волосами, и плакала. Он хотел протянуть к ней руку, но руки не было – была игла, раскаленная игла, которая держала его голову на месте, не давая повернуться.

— Джим! – кричала она. – Джим, ты меня слышишь?!

Он не мог ответить. Не потому, что не хотел. Потому что его рот был открыт в беззвучном крике, и это все, на что он был способен.

Дафни растаяла.

Вместо нее появились другие лица – люди, которых он знал: Бо, Куинн, соседка тетушка Лу, Салливан с его масляной кожей. Они смотрели на него без жалости, с каким-то холодным, изучающим интересом, как на кролика под микроскопом.

Он не помнил, когда боль прекратилась.

Просто в какой-то момент он понял, что может дышать.

Не судорожно, не всхлипывая – нормально, ровно. Грудная клетка поднималась и опускалась без помех. Слез больше не было, только сухие, воспаленные глаза, смотрящие в никуда.

Игла вышла из его головы так же медленно, как вошла.

— Синхронизация прошла успешно, поздравляю. – сообщил доктор Публий. – Обычно на этом этапе мы теряем около пятнадцати процентов новобранцев. Еще каких-то полвека назад отсеивались тридцать.

Должно быть, на лице Джима он прочитал нежелание выслушивать историю этой пыточной машины, и махнул инструкторам:

— Возвращайте в казарму. Дайте отлежаться до завтрашнего утра.

Его взяли под локти и вытащили из кресла. Он позволил вести себя, потому что идти самостоятельно не мог. Ноги плохо слушались, подкашивались, и он несколько раз спотыкался о металлические решетки пола.

Джима оставили на койке в пустой казарме. Он отвернулся к стене и пролежал в забытии до вечера.

Когда Бо и Куинн осторожно поинтересовались, как он, Джим подтянул колени к груди и заплакал – тихо, сухо, без звука, как человек, у которого уже не осталось сил даже на крик.

Глава 4. Ригель

Ригель лежала в липкой луже. Тупая боль пульсировала над виском. Ее голова разбита, вот незадача. Несмотря на редкую красоту, Ригель считала именно голову своим главным активом.

Она приподнялась, очень медленно, но к горлу все равно подкатило. Проверила ноздри и уши – пальцы не нащупали засохших кровяных дорожек, и Ригель понадеялась, что отделалась поверхностным повреждением.

Она не помнила, как контейнер приземлился. Как только клешни выпустили металлический ящик в пропасть, воспоминания обрывались.

— Ригель? Это ты? – зашептала Индра.

Ригель едва не подскочила от радости, кровь прилила к голове, и ушибленное место зажгло с удвоенной силой.

Она не представляла, как боялась остаться одна, погребенная в железной коробке.

— Я надеялась, ты свернула себе шею. – прошипела из темноты Сечиль.

— Поллукс? – позвала Ригель.

— И не рассчитывай. Я жив, чтоб тебе жизнь лунным светом не казалась. Как это вообще возможно?

— Амортизация. – ответила Ригель с плохо скрываемым торжеством. – Система торможения. Сплав недостаточно

прочен, чтобы не разбиться и не деформироваться при падении с такой высоты. Каждый контейнер оснащен этой системой. Иначе мы бы добились токсичными отходами все, что осталось после Инсоляции.

Она была права. Пекло, это было лишь предположение, шальная мысль, навязчивая идея, заставившая ее поверить, что в мусорном контейнере у них больше шансов выжить, чем если бы они предпочли сожжение в лжекриокамере. Но Ригель попала в цель, выстрелив наугад.

Она упала на колени и рассмеялась. Стенки контейнера подхватили ее безумный хохот и задрезбжали.

— Ригель? – встревожилась Индра.

— Оставь ее. Окончательно тронулась. – Поллукс отыскал ее в темноте и за шкурку поставил на ноги. Как бы он ни был худощав, все же ростом превосходил Ригель на две головы. – Откуда тебе вообще все это известно?

— Дед Юстиций плохо хранил государственные тайны.

Она подмешивала ему снотворное в вечернюю чашечку чая, и рылась в отчетах под аккомпанемент самозабвенного храпа.

— Замечательно, ты невероятно умная, Ригель. – произнес Пол, брызжа ядом. – Ты ведь придумала, как нам выбраться отсюда? Или ты хотела вместо быстрой смерти обречь нас на гниение в металлической коробке?

— Люк, в который мы вошли, должен открываться изнутри по технике безопасности. На случай, если сборщик закро-

ет себя в контейнере.

— Ригель права. — подала голос Индра. — Я нашла рычаг.

Брут не отключил торможение. Не сломал люк. Он намеренно дал им возможность выжить. Брут — не безмозглый прихлебатель Августа, он и правда верил, что спасает Церреру-3, что магистрат позволит полису уцелеть в обмен на гибель неудобных родичей.

А значит, когда они вернутся, Ригель сможет переманить Брута на свою сторону.

Стоит поразмыслить о союзах и победах после. Когда они переживут первые сутки. Или хотя бы вырвутся на поверхность.

Люк был обнаружен. Поллукс осмотрел рычаг и объявил, что он цел и работает. Открывать люк и высовываться наружу никто не спешил. Если там день... если солнце не ушло за горизонт... лучше бы им оставаться в заточении.

— Поллукс, иди проверь. — скомандовала Ригель, устав от тишины, дрожащей от ожидания.

— Почему я?

— Побудь мужчиной раз в жизни.

— Я тебя придушу. — проворчал Пол.

По тому, как удалялся его голос, Ригель поняла, что он послушался.

Гроыхнуло металлом, и в контейнер пролился мягкий лунный свет. Спасительный, а не смертоносный. Четверых изгнанников объединил отчетливый вздох облегчения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.